

18+

ГОЛИБ САИДОВ

Чётки или джинны из хурджина

ИЗБРАННОЕ

Голиб Саидов

**Чётки или джинны
из хурджина. Избранное**

«Издательские решения»

Саидов Г.

Чётки или джинны из хурджина. Избранное / Г. Саидов —
«Издательские решения»,

В определенном смысле, этот сборник можно охарактеризовать как некую «квинтэссенцию авторского восприятия мира», которая пришлась на то непростое время, что принято называть у китайцев «эпохой перемен». А вот что из этого получилось, судить уже — увы — не автору... В публикуемой книге содержится определённый процент совпадения с книгами «Арабский пленник» и «Жили-были», опубликованными тем же автором, но несколько ранее. Книга содержит нецензурную брань.

© Саидов Г.

© Издательские решения

Содержание

Чётки или джинны из хурджина	7
От автора	8
Объявление	10
Восточный цикл	11
Раннее...	11
Двор	13
Моя первая Пасха	16
Арам шум-шум	18
Семья	21
Мамин букет	23
Мама...	24
Палка деда-Мороза или полвека спустя...	26
Узбекская матрёшка	29
Выемщик писем	30
Винзавод	31
КСМ	33
Ветерок	34
Как был развенчан миф о вожде	37
Совет от мудрого Каа	39
«Интурист — Аврора»	41
Бухара-Бэлла, Бухара-Бонна!	43
Мусульманские колядки	46
Велик	50
Баллада о красном галстуке	56
Папа	60
Советский пасьянс	64
Цугцванг	66
Мат Диларам	69
Железная логика	73
Дороги, что нас выбирают...	76
Заботливое чадо	79
Славик	82
Дебри медицины	83
Корейский счёт	84
Кроксворд-регбус	85
Гусейн Гуслия	88
Шамиль	91
Взгляд вперёд и два — назад, в вечность...	97
Сто метров	102
Отмороженный	106
Плоды самосознания	112
Неприятный разговор	114
Рёбрышки	116
Немного из бухарского фольклора...	118
Надёжный рецепт	124
Свой среди чужих...	128

Офарин!	131
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Чётки или джинны из хурджина Избранное

Голиб Саидов

© Голиб Саидов, 2026

ISBN 978-5-0069-9553-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чётки или джинны из хурджина

«Чётки — бусы (деревянные, костяные, янтарные и прочие), нанизанные на шнурок и применяемые для отсчёта прочитанных молитв и поклонов. Особенно распространены в католической церкви, буддизме и мусульманстве»
(Большая советская энциклопедия)

xxx

Джинны — духи в арабской мифологии, которые созданы Аллахом из огня и находятся между ангелами и шайтанами. Им свойственны как добродетели, так и пороки. Слово «джинн» образовано от арабского слова, которое значит тайный, скрытый, так как обычно джинны невидимы человеческому глазу.

xxx

Хурджин — традиционная восточная переметная сумка, сотканная ковровой техникой из разноцветных шерстяных волокон. Состоит из двух частей (мешков) и имеет разные размеры. В основном предназначен для переноски сельскохозяйственных продуктов с помощью выючных животных (верблюды, лошадь, осел)

От автора

Поскольку, во-первых, сам я родом из Бухары, а во-вторых, достиг уже пенсионного возраста, то первоначальное название книги пришло на ум спонтанно, как бы само собой — «Байки от бабайки». И не скрою: я был откровенно счастлив такой удачной находке! Однако не поленился и полез в интернет с тем, чтобы убедиться в своей «гениальности». И тут меня ждало разочарование: оказывается, такое название было придумано задолго до моей «догадки». Так что, мне лишь оставалось, уподобившись герою В. Этуша, развести руки в стороны и с досадой пожаловаться: «Абидно, панимаешь...»

Что ж, ничего не поделаешь: пришлось придумывать заново. Но дело даже не в названии, а в самом содержании книги. Если коротко, то здесь собраны избранные байки и миниатюры, написанные мною за двадцать лет (с 2006 по 2026 годы.)

В определенном смысле, этот сборник можно было бы охарактеризовать как некую «квинтэссенцию моего восприятия мира», которая пришлась на то непростое время, что принято называть у китайцев «эпохой перемен».

Оставаясь верным своей первоначальной идее (пафосно обозначенной как «общечеловеческие духовные ценности»), мною было задумано, разделить (условно, конечно-же!) короткие произведения на три цикла: «Восточный», «Российский» и «Западный». А что из этой затеи получилось, судить уже — увы — не автору. А пока...

В ожидании «Шнобелевской» премии мира...

Объявление

Не молодой женатый мужчина, без вредных привычек, порядочен, интеллигентен, ищет одинокую женщину «бальзаковского» возраста, для дружбы, общения и нечастых встреч на её территории.

Желательно — директора какого-нибудь крупного зарубежного (на «худой конец» — российского) издательства...

Восточный цикл

Раннее...

Я с сестрой. Бухара, 1959 г. Из архива автора

— Первое что я должна сделать, — сказала Алиса самой себе, бродя по лесу, — Вырасти до моего настоящего размера, а во-вторых — найти путь в

тот прекрасный сад. Думаю, что лучшего плана никто не придумает. (Льюис Кэррол «Алиса в Стране чудес»)

Из раннего детства память сохранила несколько ярких фрагментов. Один из них связан с детским садом, куда меня отдали, едва мне исполнилось три годика.

Под бдительным оком воспитательницы, взявшись за ручки, мы стройной колонной направляемся на прогулку. Приветливое весеннее солнце ласкает нас своими теплыми лучами, согревая и воскрешая к жизни всё вокруг.

Вот я, радостный и довольный, беззаботно бегаю за красивыми пёстрыми бабочками и большими стрекозами. Бабочек невероятное разнообразие, а у стрекоз огромные круглые глаза и удивительно длинный хвост. Меня никто не учил, но я знаю — как их следует ловить. Нужно осторожно и на цыпочках подкрасться к ним сзади и, медленно протянув руку, резко схватить указательным и большим пальцами: стрекозу — за хвост, а бабочку — в тот самый момент, когда она поднимет оба своих крыла и сомкнет их вместе. Полюбовавшись, некоторое время, невероятным чудом природы, я также осторожно разжимаю свои пальцы, отпуская насекомое на свободу и долго провожаю взглядом, пока оно не исчезает из виду.

Кругом, куда бы я ни кинул свой взор, меня окружают густая зеленая листва, высокая трава и удивительно красивые цветы, источающие такой тёрпкий и сладостный аромат, что у меня начинает кружиться голова.

И вот, тот самый момент, когда я, видимо, оторвавшись от группы, стою посреди этого великолепия совершенно один: не слышно ни голосов ребят, ни гудков машин, никаких посторонних звуков. Только я и Природа. Останавливаюсь как вкопанный, сраженный красотой и необъятностью этого мира и, задрав голову вверх, устремляю свой взор в голубое бездонное небо. В ушах стоит какой-то тихий и непонятный звон. Звон этот постепенно нарастает и усиливается, я начинаю чувствовать некую вибрацию: такое ощущение, словно в следующую секунду земля уйдет из-под ног и что-то неведомое унесет меня куда-то, в неизвестное далеко. Мне становится одновременно страшно и жутко любопытно, однако, в последний момент, я внезапно встряхиваюсь, и — вновь, совсем близко от меня стоит воспитательница, а рядом весело кричат и смеются мои сверстники.

А вот мне на руку села божья коровка. И я снова, осторожно и медленно подношу её почти вплотную к своему лицу, произнося заученной скороговоркой магическое заклинание:

Божья коровка
Улети на небо
Там твои детки
Кушают конфетки...

Ни на секунду не прерываясь, я повторяю бесконечно долго этот куплет, пока — наконец — насекомое не приоткрывает свои твердые, похожие на панцирь, крылья и не взмывает ввысь. Довольный и счастливый, я заморожено провожаю её взглядом и, вскоре, забывшись, уже бегу к следующему кусту, где притаился майский жук — такой красивый, с темно-зелеными блестящими крылышками.

Почему-то, потом, когда я стану взрослым, этих жуков уже не станет. А может быть, они никуда и не исчезали? Может быть, просто, я перестал замечать их?

Двор

На фоне двора... Конец 60-х гг XX в. Фото из личного архива автора

Как до обидного мало, оказывается, сохранилось картинок детства! Тех, что являются самыми чистыми и светлыми. Не замутненные ничем, никаким влиянием из мира взрослого, чужого и — как вскоре придётся убедиться — жестокого, полного лжи и коварства. Так хочется поглубже и понадежней спрятать их от этого мира. Для того, чтобы иногда, когда уже совсем

станет трудно дышать, нырнуть туда за очередной порцией кислорода. Я с удовольствием хотел бы там остаться, но, к сожалению, мне пока это не удастся.

Как тот ныряльщик, которого нужда заставляет в очередной раз погрузиться глубоко под воду с тем, чтобы, получив со дна морского заветную жемчужину, поднять её с собою в тот мир, где она будет обменяна на какие-то совершенно ненужные вещи, а кроме того, потускнеет вскоре и сама от прикосновения многих рук.

Эти картинки детства близки мне ещё и тем, что там нет ничего лишнего и непонятного: есть только светлая радость и тихая безмятежность. Там нет места никаким богам: нет ни Христа, ни Аллаха, ни Яхве, ни Будды...

Там не существуют ни русских, ни узбеков, ни евреев, ни таджиков...

Там нет ни белых, ни красных... Ни черных, ни цветных

Там есть только двое: ты и Вселенная. Такая же необъятная и свободная от любых условностей, как и твоя изначальная душа, которая только-только осознала свою обособленность, отделившись от божественного источника, но ещё не успевшая запачиться миром взрослого.

Двор. Наш милый добрый двор. Прости меня, пожалуйста, за то, что я вынужден, буду только вскользь «пробежаться» по тебе, хотя ты, безусловно, заслуживаешь отдельной большой книги. Ведь, я не свободен, а зажат рамками определенного жанра, и это обстоятельство не позволяет мне уделить тебе должного внимания. Я прекрасно понимаю тебя: ты дал нам всем поистине настоящее счастливое детство, сварив и сплотив в своем общем котле-пространстве очень многое, что на долгие годы потом выльется в тот основной стержень-фундамент, на котором будет возводиться всё остальное. И потому, вправе ждать от меня хоть какой-то благодарности, в виде отдельных воспоминаний.

Не волнуйся: за мною не заржавеет. Конечно же, вспомню!
Хотя, ты меня, недавно здорово расстроил...

Вероятно, права, все же, старая поговорка, гласящая: «В одну и ту же реку не войти дважды»...

Как-то, будучи в очередной раз в Бухаре, вместе со своими повзрослевшими детьми, я решил, во что бы то ни стало, показать им наш двор, в котором прошло мое детство: такое полное и насыщенное разнообразными играми.

Мне и раньше доводилось взахлёб рассказывать им о нём, о многочисленных друзьях, о невероятных историях и приключениях, а потому неудивительно, что дети не скрывали своей зависти к моему детству. А тут ещё, представилась возможность, увидеть своими глазами этот легендарный двор.

Пока мы шли, я прожужжал детям все уши, припоминая недосказанное или упущенное прежде. Глаза их светились веселыми искорками и неподдельным восторгом — «поскорей бы взглянуть на месте на это чудо!»

Наконец, когда мы вплотную подошли к нашему старому дому, я внезапно смолк и, сбавив постепенно свои шаги, окончательно остановился, не в силах более сдвинуться с места: моему взору предстала совершенно чуждая картина.

Некогда живой неутомимый улей был безжизненно пуст и неузнаваем. Это был совершенно «мертвый город» среди джунглей. Из всех жильцов, что жили прежде, я с трудом узнал тетю-Людю — мать моего товарища Сережи — которая, из некогда живой и энергичной женщины превратилась в сгорбленную старушку.

Комок подступил к горлу. Я хотел плакать и рыдать. Было только одно желание: поскорее покинуть это страшное место и бежать! Мне сделалось ужасно стыдно перед собственными детьми, словно я их коварно обманул и предал. Словом, это была настоящая трагедия.

С тех пор, я обхожу свой бывший двор стороной. Все, что было связано с ним, останется только в моей памяти и моем сердце. И это — самое родное и близкое — я постараюсь запрятать как можно глубже в себя. Я не хочу более расстраиваться. Мне хочется вновь уйти в небытие только с этими немногими сохранившимися картинками моего далекого детства.

Моя первая Пасха

«Цветок Жизни» 2006г., батик, худ. Татьяна Жердина

Манзурка выбежала из соседнего подъезда как раз в тот самый момент, когда я поравнялся с ним. Лицо её излучало неопишемую радость и ликование. В каждой руке было зажато по яйцу.

— Что это у тебя? — ошалело, уставился я на не виданное прежде диво.

— Крашеные яички! — Она разжала кулачки и демонстративно подняла руки на самый верх: на ладонях, протянутых к солнцу, ярко запылали два яйца — одно красное, а другое оранжевое.

Я завистливо впился на них, не в силах оторвать взгляд от этого великолепия.

— Если хочешь, то и тебе могут дать — завидев, как у меня потекли слюнки, пожалела соседка — Надо только сказать: «Христос воскрес, дайте одно яичко!»

Это было просто, невероятно! Неужели — только и всего?!

— А где? — справился, на всякий случай.

— У тети-Вали, на втором этаже.

В ту же секунду, я рванулся в подъезд, торопливо перепрыгивая через ступеньки. Глубоко втайне надеясь, что и на мою долю что-нибудь должно остаться. Достигнув заветной

двери, выждал немного и, отдышавшись, робко постучал в квартиру Давыдовых. Вскоре за дверью послышались шаги, затем звуки отпираемого замка и наконец, дверь распахнулась. На пороге стояла Лариса, изумлённо уставившись на меня: она была несколько старше по возрасту, а потому круг её общений никак не пересекался с моим.

— Чего тебе, Галиб? — улыбнувшись, наконец, спросила она.

И тут до меня дошло, что начисто забыл «пароль»! Надо же: ведь, ещё с минуту назад я его повторил несколько раз про себя. И теперь стоял, как дурак, уставившись на соседку и хлопая своими ресницами. Однако, медлить было нельзя и потому, набравшись смелости, робко произнес:

— Крест на крест — дайте одно яичко...

— Мама! — прыснула громко Лариса и, повернувшись в сторону кухни, неожиданно засмеялась. — Мама, ну иди же скорее! Тут Галиб, просит «крест на крест» яичко!

«Ну, всё: не видать тебе никакого яичка!» — сник я окончательно, жалея себя. «Пароль» не сумел запомнить».

И тут на пороге появилась сияющая тетя-Валя. Она, молча, поцеловала меня в лоб и, промолвив: «Воистину воскрес!», протянула аж целых три (!) разноцветных яйца: одно было такое же красное, что и у Манзурки, второе — голубое как небо, а третье — ярко желтое, словно настоящее солнце.

Не помня себя от радости, я выскочил на улицу, дабы похвастаться своим «уловом» перед соседкой, но той уже и след простыл — как назло, двор был пуст. Я задрал голову кверху и... замер. Во всем мире нас было только трое: голубое безоблачное небо, весело подмигивающее солнце и я, с крашеными яйцами в руках.

Арам шум-шум

С другом в пионерском лагере «Спутник». Середина 60-х гг. XX века. Фото из личного архива автора

С этой новой игрой нас познакомила Таня, недавно возвратившаяся из «Артека».

Перекочивая с теплого и ласкового берега Крыма на знойную и жгучую почву Бухары, эта невинная артековская игра советских пионеров явно требовала доработок и усовершенствования. Что и было незамедлительно претворено в жизнь нашими сметливыми старшими товарищами.

Изначально её правила были достаточно банальны и скучны: водящему плотно завязывали глаза, ставили в центр хоровода и, под всеобщие бормотания («Арам-шум-шум, арам-шум-шум, арамийя бисила, бисила, бисила»), взявшись за руки, начинали медленно кружить вокруг несчастного, которому оставалось наугад вскинув руки с галстуком вперед, заарканить свою «жертву». После чего, «пленник» и водящий вставали спиной друг к другу (на приличном расстоянии) и на счет «раз-два-три», должны были повернуться лицом к лицу. Если оба участника синхронно разворачивались с одной стороны, то они обязаны были, чмокнув друг друга в щечку, мирно расстаться. Если же — «вразнобой», то бывший водящий встраивался в общий хоровод, а на его место заступал «новичок».

Налицо — явный беспорядок.

Саша был лет на пять старше нас, а потому внес разумное предложение — несколько усовершенствовать игру, с учетом, так сказать, бухарской специфики, а точнее — специфики нашего двора.

Во-первых: повязка на глаза — совершенно излишняя вещь, позорящая доброе и светлое имя пионера, одним из качеств которого всегда являлась честность. Будет вполне достаточным полагаться на это качество. Это предложение было встречено с пониманием. Особенно мужским электоратом, поскольку не очень-то «светила» перспектива — чмокаться с приятелем.

Во-вторых: целоваться следует «по-человечески», то есть, в губы. Женская половина смущенно молчала, что было справедливо всеми сочтено за согласие. Игра заметно оживилась, обретая с каждым днем всё новых поклонников.

Аппетит, как известно, приходит во время еды: следующее нововведение касалось продолжительности поцелуя. В ходе бурного обсуждения, стороны, все-же, пришли к компромиссу: было решено считать до десяти.

Ещё через какое-то время, тот же Саша счел неприличным целоваться у всех на виду и предложил «идеальный» вариант: хоровод зрителей громко продолжает считать до десяти, но... уже повернувшись спиной к участникам эксперимента. Эта существенная поправка позволила снять скованность в отношениях, добавив игре шарма и дополнительного очарования. Игра постепенно приобрела сумасшедшую популярность, вытеснив такие игры нашего двора, как «казаки-разбойники», «догонялки» и всякие викторины.

И, все же, один момент в этой игре нас явно смущал, а именно: как угадать с синхронностью разворота партнеров в предвкушении долгожданного поцелуя?

Но Саша не был бы Сашей, если б не его смекалка: ведь не зря же он учился в институте.

— Надо встать плотно затылками друг к другу и взяться за руки — совершенно объективно и не предвзято подсказал нам старший товарищ. Воцарилась тишина. Чувствовалось — идёт интенсивная работа мозга.

И, буквально, в следующую секунду, лица всех участников заметно просветлели и оживились.

«Взяться за руку»! Вот оно, то спасение, что дает надежду, а вместе с ней и десятки способов и ухищрений для того, чтобы передать незаметный условный знак своему партнеру (партнерше), начиная от постукивания, поглаживания и до обыкновенного легкого сжатия руки...

«Бедные артековцы!» — искренне жалели мы несчастных отличников и очкариков всего Советского Союза. — «Если б они только знали — насколько мы усовершенствовали эту настоящую пионерскую игру!»

Семья

Семья. Конец 60-х гг. XX столетия. Фото из личного архива автора

Странно, но я никогда прежде не задавался вопросами: «Почему я раньше мог свободно общаться с совершенно любым человеком, не делая никаких религиозных, социальных и иных различий и не разделяя никого на «своих» и «чужих»?

Почему в последнее время я ловлю себя на мысли, что начинаю оценивать и классифицировать своего собеседника, относя его к той или иной категории? Почему я вообще стал бояться людей, предпочитая скорее соглашаться со всеми, лишь бы не обидеть никого и выглядеть вполне лояльным?»

Что это? Откуда оно взялось? Ведь, ранее я за собой ничего подобного не наблюдал?

Есть несколько объяснений этому и одно из них довольно существенное: я родился, жил и вырос в советский период. И этот факт не так-то просто сбросить со счетов. Во-вторых, среда, окружение, двор... Но начать, вероятнее всего, следует всё же с семьи.

С улыбкой представляю себе своего воображаемого биографа, который начал бы примерно так: «Он родился в старинной бухарской аристократической семье...»

И непременно, тут же следует добавить про интеллигентность. Это обязательно!

Очень возможно, что всё это отчасти и так, но я постараюсь высказаться попроще...

Да простит меня дорогой читатель, но по маминой линии наш род действительно принадлежит к одному из самых почитаемых родов, который принято называть как «ходжа».

Термин этот употребляется достаточно часто и имеет несколько значений. Я попытаюсь в общих словах охарактеризовать одно из самых основных.

Согласно собственной идентификации, прослойка ходжей ведет свое происхождение от самых благородных мусульманских родов. Существует огромное множество вариантов их генеалогии, среди которых чаще всего встречаются следующие: от четырех праведных халифов (Абу Бакр, Умар, Усман, Али) или просто от арабских ходжей. В мире ислама прослойка ходжей занимает заметное место. Ходжи являются хранителями традиции, с ними считаются, и пока существует эта прослойка, религиозную и культурную жизнь общины практически невозможно искоренить.

Не случайно, во все времена власти опасались именно их, поскольку они являлись одной из наиболее образованной, мыслящей, а, следовательно, и самой опасной прослойкой мусульманского населения.

Мои предки по маминой линии всегда жили в своем родовом кишлаке, расположенном в 19 километрах к югу от Бухары, который так и назывался Ходжохо (множ. ч. от «ходжа»). Совсем рядом находится райцентр Джондор, по иронии судьбы в советское время переименованный в честь соратника Ленина — Свердлова. Таких совпадений будет ещё много, так что не стоит особо заострять на этом внимание.

Все мои предки обладали исключительными и необыкновенными способностями, которыми были наделены свыше, но особенно славились своим лечебным исцеляющим талантом. По сию пору в нашем доме жива ещё легенда, согласно которой мой пра-прадед был наделён такой чудодейственной силой, что однажды посох, который старик с силой воткнул в землю, через короткое время пустил корни, превратившись в огромный и пышный тутовник. Говорят, что это дерево и сейчас продолжает благополучно цвести.

Мамин букет

Мама. Середина 60-х гг. XX века. Фото из личного архива автора

Ма-ма мы-ла ра-му...
Это — мы-ло.
(Из Азбуки советских времен)

Мама...

Всю жизнь она будет ассоциироваться с цветами, духами и... мылом. Сейчас попробую объяснить...

Мои родители делят свою жизнь поровну: между семьёй и любимой работой. Так, если отец не мыслил себя вне стен родной редакции, то мама без остатка посвятит себя школе, являясь первой учительницей для многих детишек, которые учились в узбекских классах. Сколько поколений учеников, она научит читать, писать и считать за всю свою тридцатипятилетнюю трудовую деятельность, мне так и не удастся выяснить.

Зато, хорошо запомнился тот день, когда я впервые пошел в первый класс.

Первое сентября 1964 года. Мы идём вдвоём: я и мама. Она держит меня за руку и рассказывает о предстоящей учебе, о школьной дисциплине и о том, что теперь я уже совсем взрослый и, следовательно, вполне ответственный человек, который обязан отвечать за свои поступки. Под ногами, кое-где, попадаются желто-оранжевые листья. Меня ни на секунду не покидает праздничное настроение и радостное ощущение чего-то торжественного и очень важного, которое должно вот-вот свершиться. Запомнились белые мамины носочки и её желтые туфли. А ещё — мамины глаза. Они светились тихой радостью и переполнявшей гордостью за своего сына.

Мама могла совершенно легко взять меня в свой класс, став одновременно моей первой учительницей. Но, определила меня в русскую школу. И за это я ей буду благодарен на всю оставшуюся жизнь.

В отличие от своих коллег, она никогда не прибегала к указке, как к воспитательному орудию многих учителей, никогда не оскорбляла своих учеников бранными словами, не говоря уже о рукоприкладстве, что нередко имело место быть в обычных национальных школах.

Поэтому неудивительно, что, став уже совсем взрослыми и вполне состоявшимися личностями, многие из её бывших учеников будут наведываться к нам домой, чтобы выразить своей первой учительнице почтение и теплые слова благодарности.

Но особенным днём в нашем доме был, конечно же, международный женский день 8-е марта. Во второй половине дня, когда мама возвращалась с работы, во дворе нашего дома можно было застать удивительную картину. Впереди, утопая в зелени бесчисленных букетов, идёт моя мама, а рядом, по обеим сторонам от неё, шествует почётный эскорт сопровождения, состоящий из её маленьких учениц, которых едва можно разглядеть из-за огромных охапок цветов.

Через минуту, вся наша квартира благоухала ароматами полевых цветов, тюльпанов и садовых роз, источая из себя терпкие запахи гиацинта и душистой сирени, гладиолусов и белоснежных лилий. Наконец, разобравшись с цветами, мама переходила к подаркам, которыми были набиты две огромные сумки, обтянутые кожзаменителем.

В основном это были дешевые духи «Кармен», «Гвоздика» и одеколоны «Шипр», «Тройной». Иногда попадались и «эксклюзивные» экземпляры, вроде «Красной Москвы» или «Лан-

дыша серебристого». Наконец, на свет извлекался самый главный стратегический продукт — мыло. Туалетное и хозяйственное, с этикетками и без. Вскоре, на столе образовывался внушительный курган из различных брусочков и «кирпичей», который затем постепенно рассывался, перебираясь в многочисленные шкафчики и полочки, заполняя собою всевозможные этажерки и сундучки.

Домочадцы же, прекрасно осведомленные о том, что во многих семьях со скромным достатком, невероятным образом прочно закрепился в сознании ассоциативный ряд «учительница — знание — чистота — мыло» (тем более, что самое дешевое мыло стоило 6 копеек), в этот момент испытывали двойственные чувства, подшучивая над мамой:

— Конечно: ходим, грязные и не мытые, вот и дарят нам мыло...

Естественно, больше всех смеялась мама...

Пройдёт немало лет. Как-то, будучи на пенсии, мама сунется за очередным куском мыла и... надолго застынет в изумлении: заветный ящичек окажется пуст.

И тут я вдруг замечу, как глаза её увлажнятся, и по щеке сползёт ностальгическая слезинка.

— Надо же! — тихо прошепчет мама. — До меня только что дошло: я поймала себя на мысли, что никогда в жизни не покупала мыла. Обыкновенного куска мыла!

И, в следующую секунду, взглянув на моё недоуменное и вытянутое лицо, она не сдержится и громко зальётся своим неповторимым смехом.

Палка деда-Мороза или полвека спустя...

(Слева: Бухара, 1962 г. Справа: Петербург, 2013 г.)

Приближается Новый Год — один из самых любимых моих праздников. Потому, что аполитичный и понятный каждому из нас, начиная от маленького карапуза... Кстати, вот ещё один из фрагментов той поры.

Время не стоит на месте и все мы когда-нибудь состаримся. Однако, я успел обратить внимание на то, что чем старше я становлюсь, тем чаще склонен оборачиваться в своё светлое и чистое детство. Выхватывая из пёстрого калейдоскопа прошлого такие милые и трогательные детали, как: детские стишки, запах хвои и смолы, исходящий от недавно срубленной ёлки, липкие пальцы от сладкого лимонада и конечно-же, неповторимый запах плиточного шоколада, при одном упоминании которого, загораются детские глаза и слегка кружится голова.

А вот и наша группа в детском саду имени Гагарина. И в центре, рядом с разукрашенной огромной ёлкой, стоит самый взаврадашний и настоящий Дед-Мороз.

Сейчас, текст этой незамысловатой новогодней песенки, наверное, выглядит несколько смешно, но тогда... Цепко держась за ручки и кружась в хороводе вокруг ёлки, мы — маленькие 5-летние дошколята — не отрываем глаз от дедушки Мороза и хором поём выученную накануне песенку:

У тебя, у тебя Вот такая шапка!

При этом, дружно вскидываем руки кверху и демонстрируем — какая большая у деда-Мороза шапка. Добродушный дедушка, на удивление, тоже, подхватывает этот немудреный мотив, указывая на свой головной убор и вторя нам нарочито низко поставленным басом:

У меня, у меня Вот такая шапка!

Детишки вдохновляются и по-новой:

У тебя, у тебя Вот такая борода!

Дед, соглашаясь с нами:

У меня, у меня Вот такая борода!

Борода, естественно, из ваты, но нам она кажется настоящей... снежной, словом такой, какой и положено иметь такому старику. Однако, умиляет и одновременно восхищает самая последняя строчка:

У тебя, у тебя Вот такая палка!

На что, дедуля, нисколько не смущаясь, подтверждает сей грозный факт:

У меня, у меня Вот такая палка!

Поднимая, при этом, высоко свой посох и сотрясая вокруг воздух.

Глядя с высоты сегодняшнего времени, не могу удержаться от улыбки: ну, почему нельзя было назвать это нормальным словом «посох»?! А может быть, это у меня с головой что-то не так, и с годами, обычное безобидное слово приняло столь извращённую форму, что вызывает во мне ненормальную ассоциацию?! И я, скорее, склонен согласиться с последним...

Каждый раз, встречая Новый Год, как правило, принято чуть ли не пинком выпроваживать Старый и связывать свои надежды с Новым. Меня это всегда несколько смущало и — отчасти — веселило, потому как, пройдёт год и... всё начинается по-новой.

Как это ни странным может показаться, но в преддверие наступающего Нового Года, мне хочется пожелать своим близким и друзьям совсем немного. И прежде всего — здоровья и детской непосредственности.

Чтобы «слуги народа», наряду с традиционными повышениями цен на транспорт и в сфере ЖКХ, не забывали бы, поднять и зарплату. Чтобы наши политики и государственные чиновники присытились и умерили бы свои аппетиты, вспомнив, наконец-то, немного и про нас — простых смертных. Чтобы, Государственной Думой как можно меньше принималось бездумных и ненужных законов, которые в лучшем случае, вызывают откровенный смех, а в худшем — раздражение и злобу.

Я искренне благодарен Судьбе (Всевышнему..) за ещё один — теперь уже уходящий — относительно мирный год и очень хочу надеяться, что и наступающий 2014-й год не принесёт нам серьёзных потрясений.

Да, с годами я начинаю понимать, что не надо просить чего-то лучшего. Надо уметь довольствоваться малым. Пусть, всё самое лучшее произойдёт в нас самих, в нашей душе. И тогда мы с благодарностью научимся принимать от Судьбы всё, что она нам даёт. Как некий урок, который пойдёт лишь, нам всем на пользу. С Новым Годом!

P.S. Нет, ну надо же: ну, как жопой чувствовал... и ведь, просил единственно одного — «только, чтоб без потрясений». И вот, на тебе — «получай, фашист, гранату!» За эти роковые ошибки «царей и правителей», ещё очень долго придётся расплачиваться нашим детям и внукам. Так что теперь уже, наученный горьким опытом, я воздержусь от пожеланий, всецело полагаясь на Того, Кому виднее — ЧТО больше пойдёт на пользу всем нам и нашей хрупкой планете.

(Шепотом): С наступающим Новым Годом! Только, тссс! А то — не дай Бог — ка-а-к взмахнёт своей палкой этот дедушка... да так, что мало никому не покажется.

Узбекская матрёшка

Не могу удержаться, чтобы не поделиться впечатлениями моего наблюдательного минского друга, гостившего (на тот момент) у меня на родине и побывавшего в одном сельском магазинчике.

По его возбужденному состоянию и лукавым глазам я понял, что произошло что-то жутко интересное.

— Представляешь, — ошарашено объявляет он мне, с опаской озираясь по сторонам, словно кто-то нас может подслушивать, — там, в магазине я увидел набор кухонной посуды.

— Ну и что? А ты мечтал застать там пушку или танк? — попытался съязвить я.

— Да нет же! Ты загляни.

«Ну, что может быть интересного в обычном сельпо?» — подумалось мне. Однако любопытство взяло верх и я, войдя вовнутрь и подойдя к указанной витрине, остановился возле набора алюминиевых кастрюль, недоуменно уставившись на обычную хозяйственную утварь.

— Ну, и? — не понял я.

— Читай — шепотом произнес Андрей, кивнув головой на ценники, разложенные аккуратно под каждой из кастрюль.

Даже мне, привыкшему ко всему, сделалось смешно, когда взгляд упал на один из них. Под самой большой кастрюлей лежал ценник, на котором старательно было выведено «Каструл».

— Ну что ты хочешь от простого кишланика? — попытался я защитить своего земляка.

— Нет, нет. Ты дальше читай.

Далее моему изумленному взору предстала кастрюля чуть меньших размеров, под которой тем же почерком было написано: «Каструлка».

Я не выдержал и засмеялся. Но... оказалось, что еще рано, потому, что товарищ тихонько дернув за рукав, перенаправил мое внимание к третьей, самой маленькой кастрюльке.

«Каструлчик» — прочитал я сквозь слезы, и мы мигом выскочили на улицу, чувствуя на себе недоуменный взгляд хозяина-продавца магазина.

Выемщик писем

— Чем три месяца дурака валять, пусть поработает немного и поймёт — что значит зарабатывать деньги собственным трудом. — принял мудрое решение отец, едва я закончил 8-ой класс...

— Ну что, надеюсь, сработаемся? — подмигнул мне напарник, решив, что особых проблем со школьником-сопляком у него возникнуть не должно.

В ответ мне оставалось только дружески улыбнуться и поспешно кивнуть головой. Наутро предстоял мой самый первый рабочий день.

«Выемка писем производится два раза в день:
с 9 до 12 — утром, с 16 до 19 — вечером. Кроме сб. и вс.»

— гласила надпись на стандартном почтовом ящике советских времен начала 70-х годов прошлого столетия.

На весь город, условно поделённый на два района, приходилось не более ста почтовых ящиков.

— Утром проедемся по первому району, а после обеда — обнесём второй, понял? — коротко просветил меня мой старший и более опытный товарищ, едва я расположился в уютной кабине «Еразика», прижимая к себе мешок для выемки писем. И, заметив моё недоумение, улыбнулся: — Успокойся, поработаешь немного и всё поймёшь...

Ежедневно предприимчивый водитель выкраивал почти три часа рабочего времени для своих левых халтур. Высадив меня возле Ляби-хауза и угостив самсой и мороженым, он исчез в неизвестном направлении, а ближе к вечеру забирал обратно, по пути на главпочтамт. Таким образом, консенсус на некоторое время был достигнут.

Ещё через пару недель совместной работы, напарник решил совсем упростить нашу схему, останавливаясь не у каждого почтового ящика, а через раз.

— Ничего страшного, — заверил он меня, — завтра пройдемся наоборот.

Терпение советского школьника лопнуло и я, демонстративно хлопнув дверью, пошёл пешком. Товарищ опешил от подобного демарша. Казенная машина была совершенно новенькой и неприятностей по работе явно не хотелось.

— Ну, хорошо, хорошо... — стиснув зубы и вымучив улыбку, капитулировал водитель, приглашая меня назад, в кабину. — Садись, чертов «Качан Джакыпов»! Заберём твои дурацкие письма. Все!

...На следующий день, я сидел у Ляби-хауза, уплетая за обе щёки бесподобный кавурма-лагман, который умели готовить вкусно только здесь. На десерт меня ждало шоколадное мороженое, а сквозь нагрудной карман белой «финочки» — безрукавки, весело просвечивал желтый рубль, согревая моё сердце самой первой в жизни взяткой.

Винзавод

Реальная жизнь, порой, жалеет детскую психику, обнажая себя постепенно и очень осторожно.

На винный завод я пришел после 9-го класса, слегка подкованный и имеющий уже представление о взятке. Теперь же, предстояло узнать немного и о воровстве.

Огромный цех розлива, с шестью конвейерными линиями, вдоль которых стройными «солдатиками» неслись бутылки с различной жидкостью, произвёл на меня должное впечатление. Мне поручен был ответственный участок, на котором выбраковывались бутылки со случайно попавшимися насекомыми, с мутным непонятным оттенком, недолив или бутылки, с плохо завинчивающейся пробкой.

Однако, и такая, казалось бы, не пыльная работа, оказалась утомительной. Особенно, если учесть, что всё время приходится стоять на одном месте и никаких стульчиков для этого не предусмотрено.

Моё рабочее место находилось в самой середине зала, на третьей линии, где гнали портвейн №53. Впереди меня, на первой и второй — весело бренча и мило ведя беседу между собой, плыли неразлучные «старка» и обыкновенная «московская». Сзади текла батарея «противотанковых», емкостью 0,75 литра. Далее, на пятой, шипели какие-то игристые, а на самой последней весело скакали «мерзавчики» или, как принято, было называть их ещё по-другому, «чекушки», емкостью по 0,25 литра.

Внезапно, наш конвейер стал по техническим причинам. Воспользовавшись короткой передышкой, я усталю опустился вниз, прислонив спину к стойке и собираясь прикрыть свои веки. В следующую секунду, мои глаза не только не закрылись, а наоборот — чуть ли не выскочили из своих орбит. Через пару конвейеров от меня, я заметил пожилую толстую женщину, которая присев и задрав свою юбку, принялась бойко рассовывать по своим необъятным розовым рейтузам советского образца, несколько «чекушек». От изумления у меня непроизвольно отвисла челюсть. Через несколько секунд наши взгляды с ней встретились. Коллега смущенно улыбнулась и быстро поднялась, скрыв свои прелести. «Сеанс» был окончен.

На обеденный перерыв мы, с моим непосредственным наставником — пожилым азербайджанцем — расположились прямо на широкой ленте транспортера, по которой обычно переправляются ящики с бутылками в склад готовой продукции. Он привычным движением вытащил откуда-то сбоку поллитровку «московской» и, водрузив её между нами, принялся разворачивать домашний свёрток. В нём лежал приличный кусок отварной говядины, с чуть заметным жирком по краям.

— Запомни золотое правило: никогда не запивай! — преподавал мне самый первый урок старик, поправив на переносице свои огромные как линзы очки, отчего глаза его неестественно увеличились. — Только хорошо закусывай.

Себе он наполнил на две трети граненого стакана, а мне протянул небольшую стопочку. Я попытался было махнуть руками, но он как-то странно посмотрел на меня и, выждав паузу, произнёс:

— Я знаю: сам когда-то так говорил. Жизнь длинная и зарекаться не следует. Я не хочу, чтобы ты стал алкоголиком. Я только хочу научить тебя грамотно пить и закусывать.

Потом помолчал немного и добавил:

— А пить ты всё равно будешь...

Мы чокнулись с ним и опрокинули живительную влагу вовнутрь...

С тех пор прошло более тридцати лет. Я действительно, не забросил это дело. И всякий раз, когда я поднимаю свою рюмку, перед моим взором всегда возникает строгое и суровое лицо учителя, с огромными глазами, которые пристально смотрят на меня и напоминают:

«Никогда не запивай! Только хорошо закусывай!»

КСМ

Комбинат строительных материалов — так называлось моё очередное место работы.

Представить меня в качестве бетонщика столь же трудно, как вообразить себе депутата Государственной Думы, искренне заботящегося о процветании народа.

— Запомни: на «шестипустотки» идёт цемент только марки 600 НН! — сообщил мне доверительно мастер, поднимая очередную стопку. После чего скомандовал крановщику:

— Заливай!

— Погодите! — вскрикнул я, успевший за короткое время поднатореть в строительных терминах. — Это ведь, 400-сотый!

— Х@йня... — простодушно произнес мастер — Это не для комиссии.

Вскоре до меня дойдёт, что реальная жизнь намного отличается от тех штампов, которые я изучал в школе или вычитал в своих любимых книжках.

Следовательно — воровать, оказывается, можно везде.

Ветерок

Старый «ЦУМ», 60 — 70-е гг. XX века.

Это была типичная советская «стекляшка», каких в те времена было во множестве практически в любом мало-мальски уважающем себя городе. Причем, более всего меня всегда умиляли их нежные названия: «Снежок», «Ветерок», «Колобок», «Холодок»... Ну, прямо-таки, детские ясли для алкашей.

В одном из подобных заведений, который располагался сразу же за «старым» ЦУМом, властвовал мой друг Зариф. Работая в сфере «Интуриста», я и предполагать не мог, что убогие «стекляшки» типа «Ветерка», способны приносить порой не меньшую прибыль, чем самый навороченный ресторан. Вскоре, мне предстояло убедиться в этом лично.

— Будь другом, поработай, пожалуйста, вместо меня двое суток, хорошо? Ну, очень нужно! — обратился как-то ко мне Зариф.

Говорить «нет» я так и не научился до сих пор...

На следующее утро, товарищ стал знакомить меня со всеми тонкостями работы. В общем-то, всё для меня было понятно: почти точно также, как и в «Интуристе», только всё гораздо более приземлённое, включая ассортимент и цены. Зато, оборот был несравненно больше.

— А где тут у вас кофеварка? — обратился я к другу.

Зариф улыбнулся моей тупости и указал на огромный агрегат, больше похожий на круглую стиральную машину «Киргизия».

— Ведерно-помойная система. — пояснил он коротко. — Всё очень просто: заливаешь на три четверти водой и кипятишь. В отдельной кружке варишь пачку молотого кофе вперемежку с цикорием и вливаешь затем в котел. Берёшь пару банок концентрированного молока и — также — отправляешь вослед. В заключение, сыплешь сахару и размешиваешь. Всё!

Я попробовал: кофе показался мне бесподобным. Особенно после того, как мгновенно перемножил в голове количество получаемых в результате стаканов на 22 копейки. Я с уважением посмотрел на товарища. Но, как оказалось, этим возможности «Общепита» не исчерпывались. Друг обратил моё внимание на огромную кастрюлю с водой, находившуюся под стойкой, которая доверху была заполнена бутылками. Сверху плавали этикетки от водки.

— Я думал, что это «минералка». А зачем столько много, неужели у вас такая проходимость?

В ответ товарищ снова слегка усмехнулся.

И в этот момент, снаружи вежливо постучали по стеклу.

— О, проснулись, бл@ди! С утра пораньше! — не выдержал Зариф, направляясь к двери.

Слегка покосившиеся замызганные часы, показывали 6—55.

— Доброе утро! — вежливо поздоровались со мной двое завсегдатаев, копошась в карманах и выкладывая поверх стеклянной витрины всю имеющуюся у них наличность. — Как всегда...

Я перевел недоуменный взгляд на друга.

— Водка... — пояснил мне товарищ, указывая глазами под стойку.

Рука автоматом нащупала под стойкой холодненькую бутылку. Она, почему-то, оказалась с пластмассовой пробкой. Разлив по 150 граммов, я пододвинул граненые стаканы поближе к первым клиентам. Один из них, дрожащей правой обхватил крепко стакан. В левой руке он изящно держал наготове лимонную карамельку.

— Ну, с Богом! — произнес он, когда его товарищ тоже дотянулся до своей стопки и, аккуратно поднеся спасительную влагу ко рту, стал не спеша вливать её в себя.

Поставив пустой стакан на прилавок, он как-то странно и с недоумением посмотрел на товарища. Тот, в свою очередь, выкатив глаза, уставился на друга. Секунды две-три они молчали, после чего, оба перевели взгляд на меня.

— Что такое? — не понял я.

— Братка, ты нас извини... что-то, водка... это... как его...

Я схватил початую бутылку и поднёс её к носу.

— Бля-я... Это вы меня простите, ребята: я «минералку» перепутал с водкой!

— Слава Богу! — вырвалось у одного из них. — А я уж, грешным делом, подумал: не заболел ли...

В противоположном углу, схватившись за живот, беззвучно сползал на пол мой друг.

Как был развенчан миф о вожде

«Я не разделяю ваших убеждений, но готов отдать жизнь за ваше право их свободно высказывать!» — это изречение, приписываемое знаменитому французскому просветителю Франсуа Аруэ де Вольтеру, наиболее глубоко запало мне в душу с тех самых пор, когда я впервые серьезно задумался — «Что же из себя представляет настоящая демократия и с чем её едят?».

Например, в советскую эпоху, в которой я вырос, тоже была своя «демократия». Называлась она социалистической. И, как это ни странно, у этой «демократии» были свои вожди, которых народ обязан был боготворить. А над всеми этими вождями стоял самый главный вождь — Ленин — имя, которое произносилось с трепетом и благоговением.

Тех, что правили страной после него, народ мог даже критиковать (естественно, после смерти вождя) и даже смещать с поста (понятное дело, когда тот находился в отъезде), но «Главного» трогать не смели. Его даже мумифицировали, дабы продемонстрировать бессмертность гения перед вечностью. Это была «священная корова», «святыня», «икона», «непогрешимая истина в последней инстанции». Никому и в голову не приходило усомниться в гениальности и величайшей прозорливости этого «гения всех времен и народов». Одним словом, советская система сумела создать и внедрить в сознание масс такой величайший миф о вожде, что все остальные известные нам мифы просто меркнут.

Без Ленина невозможно было представить жизнь простого советского человека, который начиная со школьной скамьи, проходил несколько стадий «посвящения». В первом классе мы с нетерпением ждали — когда нам нацепят на грудь пятиконечную звездочку октябрёнка. В четвертом — плакали, если наши фамилии не значились в списках тех, кто имеет право носить треугольный красный галстук и гордое звание «пионер». Наконец, в восьмом — тихо ненавидели всех «комсомольских активистов» и... гордились, что не стали ими.

Являясь продуктом своего времени, я также очень долгое время находился в состоянии гипноза, из которого — как это ни странным может показаться — вывел меня... обыкновенный советский унитаз.

Излишне, наверное, говорить о том, насколько серьезное значение придавалось идеологии в советский период. Ленинскими лозунгами не были обвешаны разве что только детские учреждения. «Марксизм-ленинизм» преследовал тебя на каждом шагу. То, что «наше дело правое — мы победим», ни у кого не вызывало сомнения. И то, что «Ленин и теперь живет всех живых», не позволяло расслабиться, а заставляло быть всегда и везде начеку. Усомниться в его величии было верхом не то, что — несознательности, но даже — преступности.

Где-то, краем уха доходило, что во времена И. Сталина были репрессии и процветал культ личности; что Н. Хрущев слишком поторопился с прогнозами в отношении конкретных сроков прихода коммунизма; что «нынешние» руководители намного уступают «первым пророкам революции» и так далее. Но усомниться в самом вожде — было величайшей глупостью. Сейчас, наверное, выглядит смешно, но вынужден сознаться: я даже временами искренне сожалел о том, что Ленин не дожил до наших дней.

«Эх, надо же, какая досада — не дожил Ильич каких-то ещё двадцать — тридцать лет. А ежели б, до сегодняшнего дня? Вот бы он сейчас дал разгон существующему руководству, — думалось мне. — Вот бы сейчас мы зажили! И главное — народ его, конечно же, поддержал бы. Ещё бы — такой умище!»

Примерно с подобными мыслями, не дававшими мне покоя, я однажды зашел в туалет. И, усевшись поудобнее на «горшок», стал далее развивать тему и предаваться тому — как было бы здорово, если б Ленин вдруг воскрес.

Внезапно, я почувствовал острую боль в желудке. Да простят меня дамы (не за столом будет сказано), но я весь напрягся, прилагая все усилия к тому, чтобы освободиться от этой боли. И вдруг...

Ты мне не поверишь, дорогой читатель, но я вдруг отчетливо представил на своем месте... Ленина. Да, да — нашего любимого и всеми обожаемого вождя. И тут же устыдился такого кощунственного сравнения.

«Боже мой, что я говорю! — подумалось мне. — Какой вздор: Ленин и... обыкновенный унитаз. Какая чушь! Да за такие мысли меня давно поставили бы в 17-ом к стенке!»

Однако, раз посетив, эта мысль уже крепко засела во мне, настойчиво сверля мой бедный мозг. И я уже ничего не мог с этим поделать. Эта мысль настолько захватила и увлекла, что последующие картины, что выдало мое воображение, последовали как-то легко, естественно и, можно сказать, непринужденно.

«Постой-постой, — говорил я сам себе, — он ведь, был такой же человек, как и я. Конечно же, я вполне допускаю, что у него, несомненно, был более внушительный мозг, но все остальное — руки, ноги, уши, глаза, живот и ... (О, Господи! Неужели?!) даже жопа, почти нисколько не отличались от моих. Ну, может быть чуток по-нежнее и по-белее, но все же! Более того, он наверняка также как и я ходил в туалет (ведь должен же он был, хоть как-то, избавляться от пищи!). И наверняка, он также сидел и тужился, когда у него случались запоры, или — наоборот — скрючивался от колик и диареи.»

На мгновение я застыл от ужаса представленного. Но то было всего лишь мгновение, которое как вспышка света озарила меня, осветив заодно и то место, где за минуту до этого стоял вечно живой и непоколебимый вождь мирового пролетариата. И в это самое мгновение, «пьедестал» в моем сознании рухнул, и я увидел, что на этом месте ничего нет — оно было пустым.

В ту же секунду я почувствовал, как боль отпустила меня. Я улыбнулся: мне стало одновременно смешно и немного грустно.

«Так, наверное, бывает всегда, когда кончается сказка...» — подумалось мне.

Совет от мудрого Каа

Гостиница «Бухоро» от ВАО «Интурист».

«Не будь сладок — иначе тебя съедят.
Не будь горек — иначе тебя выплюнут.»
(Еврейская пословица)

Работал у нас в ресторане гостиницы «Бухоро», от ВАО «Интурист», дядя-Гриша — бухарский еврей. Замечательной души человек. Отменный повар, специалист экстра-класса.

Я же, хотя и находился в филиале, почти ежедневно приходил в главный корпус, чтобы сдать выручку в кассу. Касса находилась рядом — между кухней и залом — и потому, довольно часто мне доводилось сталкиваться с этим умудренным жизненным опытом человеком.

Всякий раз, проходя мимо, я вскидывал вверх руку и приветствуя, вопрошал:

— Как дела, дядь-Гриш?

На что неизменно получал один и тот же ответ:

— Средненько...

Однажды, я не вытерпел:

— Дядя-Гриша, почему Вы всегда отвечаете «средненько»?

И он мне пояснил:

— Понимаешь, дорогой, ты еще молод и не достаточно опытен. Тебя окружают самые разные люди. Если на вопрос: «Как дела?», ты ответишь: «отлично», то рискуешь навлечь на себя всякого рода завистников и нехороших людей. Если же скажешь: «плохо» — по тебе «протопчутся», вытирая ноги, словно о половую тряпку: в конечном итоге тебя запинают и заключают. А потому, всегда выбирай «золотую середину» и отвечай: «средненько», не дразня и не давая повода, как — тем, так и другим.

«Интурист — Аврора»

*«Если жизнь не меняется к лучшему,
подожди — она изменится к худшему.»
(Еврейская пословица)*

Небезызвестный по предыдущим рассказам дядя-Гриша, отличавшийся сдержанным характером и своеобразным юмором, продиктованным, по всей вероятности, исходя из нелегкого жизненного опыта, подкупал слушателя своими оригинальными высказываниями. Он был склонен к философским размышлениям, а потому немногословные реплики, временами вылетавшие из его уст, были полны жизненной правды и могли вполне успешно соперничать с афоризмами великих мыслителей и классиков прошлого и настоящего.

Чего греха таить, — система, в которой мы все работали, относилась к сфере торговли, а там где торговля (особенно — в советскую эпоху), там, понятное дело, у каждого могло быть «рыльце в пушку». А потому и работали все с оглядкой на ОБХСС и укоренившейся привычкой — «быть всегда начеку».

Из многочисленных коротеньких, но емких изречений этого мудрого человека сейчас мне вспомнилось еще одно.

Всякий раз, уличив момент, дядя-Гриша незаметно и тихо подкрадывался к стойке центрального буфета, где предусмотрительными буфетчиками для него была уже заблаговременно приготовлена стопка водки, быстро опрокидывал содержимое и, закусив рукавом поварского халата, неизменно произносил свою коронную фразу:

— Да-а, «Интурист» — «Аврора»!

И также тихо и бесшумно исчезал, оставляя в неведении недоуменных и гадающих по сему высказыванию отдельных сотрудников ресторана.

Наконец, любопытство одного из последних достигло точки кипения. Благо, и сам «виновник» не заставил себя долго ждать, неожиданно вынырнув неизвестно откуда и ловко опрокинув очередную порцию водки.

— Да-а, «Интурист» — «Аврора»! — подтвердил он свой «пароль» и хотел уже было смыться, но наш товарищ остановил его.

— Дядь-Гриш, как понимать ваши слова?

Дядя-Гриша помолчал немного, словно размышляя про себя — стоит ли доверять молодому, а затем, наклонившись к самому уху, прошептал:

— Ты помнишь про «Аврору»?

— Вы это про ту, что залп... — начал, было, молодой сотрудник.

— Тс-с! — прервал его на полуслове «мудрый Каа», приложив указательный палец к губам, — вот и у нас, в гостинице: пока все тихо и спокойно. Но в один прекрасный день — не дай Бог — ка-а-к рванёт!!!

Бухара-Бэлла, Бухара-Бонна!

Облигации советских времён

В добрые советские времена, довелось мне работать в гостинице «Бухоро» от ВАО «Интурист» в качестве бармена-буфетчика. Что тут говорить: весёлые были годы. Много забавных и курьёзных случаев было описано мною, но об одном из них, который связан с моим старшим коллегой по работе — Амоном — как-то всё не доводилось рассказывать. Сегодня это упущение я исправляю и для того, чтобы сохранить эту правдивую историю так сказать, в оригинальном блеске и первоначальном колорите, перенаправляю читателя к своему другу, от лица которого и будет в дальнейшем вестись повествование.

Однажды, среди прочих иностранных туристов, к нам в гостиницу заселилась и итальянская группа. А они, как правило, почти все ушлые черти и талантливые торгаши, неплохо разбирающиеся в психологии и обладающие определённой коммерческой хваткой и чутьём: разузнали, что тут джинсы можно продать за 300 рублей. Это по тем-то временам, представляешь?! И, когда один из них пришёл ко мне с намерением, произвести предварительную «разведку», я ему хладнокровно так выдаю:

— 70 рублей — красная цена этим штанам. Если хочешь, я их у тебя могу купить?

Тот в ответ недоверчиво качает головой и, приложив указательный палец к основанию своего глаза (намёк на характерный жест мафиози), усмехается, мол:

— А-а... Бухара... так я тебе и поверил... меня не проведёшь!

— Ну, не хочешь — и не надо. — говорю я ему.

На том мы и расстались. А через некоторое время их группу повезли на экскурсию в старый город, где в числе прочих архитектурных памятников, показали также и базар. На котором этому ушлому итальянцу удалось таки сбавить кому-то джинсы.

И вот, значит, они возвращаются в отель и — конечно же — первым делом ко мне. И тут — картина маслом, одним словом: этот итальянец вальяжно переступает порог кафе, красуясь передо мной в лисьей шапке, в ватном стёганном бухарском халате... И, хитро так подмигивая мне, радостно подпевает, слегка пританцовывая в восточном ритме:

— Bukhara Bella-Bukhara Bonna, Bukhara Bella-Bukhara Bonna!

— И-и? — искренне удивляюсь я ему в ответ и интересуюсь. — Неужели продал? За сколько?

Тот в ответ резко вскидывает руку вперёд, чуть ли не под самый нос, демонстрируя мне три открытых пальца и злорадно так:

— Тристо!!!

Причём, как вскоре станет ясно из слов самого «дельца», эту шапку и халат ему дали как бы в придачу к деньгам.

«И какой придурок мог найтись в Бухаре, чтобы так облапошиться?» — подумалось мне в тот момент.

Естественно, вслух же, ничего другого не оставалось, как признать его сделку удачной:

— Ну — молодец! — говорю я ему, продолжая вытирать льняной салфеткой бокалы и фужеры.

А он, весь такой лоснящийся и довольный: решил, на радостях закатить «пир на весь мир»! И, значит, делает в мою сторону небрежный барский щелчок:

— Шампанского! Всем! — показывая на своих соплеменников, включая переводчицу и сопровождающую группы.

Понятное дело: я без разговоров, откупорив 8 бутылок шампанского (между прочим, по 5 рублей за бутылку — по советским меркам, нехилые в те времена бабки!), разливаю искрящийся напиток по предоставленным бокалам и тоже, радуясь всеобщему веселью: как-никак, он ведь делает мне в кассу неплохую выручку!

Всё это время, наш удачливый фарцовщик не перестаёт имитировать восточный танец, фривольно подпевая себе в такт:

— Bukhara Bella-Bukhara Bonna, Bukhara Bella-Bukhara Bonna!

Наконец, когда приходит время расплачиваться, новоявленный нувориш открывает свой портмоне, достаёт оттуда новенькую ассигнацию и протягивает мне.

На что я ему спокойно отвечаю:

— Простите, но это не деньги. Я не могу их у Вас принять.

— Вы шутите... — перестаёт вдруг петь «бизнесмен». — Берите-берите!

Однако, я вновь вежливо отклоняю его банкноту.

— Но-по-по-по-по! — скороговоркой произносит встревоженный итальянец, не на шутку теряя самообладание — Как это не деньги?!

И, развернувшись, делает жест в сторону переводчицы, призывая её на помощь.

— В чём дело? — осведомляется та, подойдя к нам.

— Вот, видите: тут чётко написано «СТО РУБЛЕЙ»! — тычет иностранец пальцем в купюру. — А этот (указывая на меня) — не желает её брать. Как это понимать?!

Переводчица переводит свой взгляд на купюру и... видит «Облигацию Государственного займа, 1951 г. выпуска» номиналом в 100 рублей.

Финал этой драмы достоин отдельного живописного полотна: пока незадачливому «бизнесмену» тщетно пытаются растолковать, что его просто-напросто «обули», тот ни в какую не желая мириться с очевидным фактом, накаляется с каждой секундой и с пеной у рта что-то доказывает переводчице и сопровождающей по группе.

Наконец, краем уха до него доносится до боли знакомый мотив: он резко поворачивается в сторону барной стойки и застаёт там Амона, который с невозмутимым видом продолжает натирать салфеткой бокалы, тихо напевая себе под нос:

— Bukhara Bella-Bukhara Bonna, Bukhara Bella-Bukhara Bonna...

P.S. Кстати, как выяснится вскоре, шапка также, окажется фальшивой лисой.

Мусульманские колядки

Улочка моего детства. Квартал «Мирзо Фаёз». 2017 г. Фото автора

Рамазан — один из самых священных месяцев мусульманского календаря. Именно в этот месяц по преданию был ниспослан Коран — самая почитаемая книга мусульман. И именно в этот месяц всем благочестивым правоверным предписано поститься.

Почти каждую пятницу, по установившейся традиции, мои родители старались «на выходные» навещать своих, а это означало, что я опять буду носиться как ошалелый босиком по горячему и плавящему от знойной жары асфальту с ватагой своих сверстников по узким бухарским улочкам, участвуя во всевозможных детских играх и предаваясь соблазну — залезть с риском для жизни в чужой сад, чтобы сорвать незрелый урюк (давчу) или виноград. Ну, кто же из нас ни разу не испытал в детстве подобное? Мы были детьми улицы, а потому загнать нас домой, было, делом нелегким.

Когда же наступал месяц Рамазан, мы лстыиво пробирались к своим ласковым бабушкам с тем, чтобы выведать у них секрет формулы «открытия» и «закрытия» поста: нам тоже ужасно хотелось поучаствовать в таком великом и богоугодном деле, каким являлся пост. Проверить себя на выдержку и похвастаться своими результатами перед сверстниками и старшими.

Взрослые смотрели на наш энтузиазм снисходительно, тем не менее, поощряя и поправляя нас. Все разговоры о том, что постящиеся только и ждут ночи для того, чтобы заняться чревоугодничеством и развратом, я даже не стану комментировать, поскольку подобные утверждения очень далеки от правдоподобия и не имеют под собой серьезной почвы.

А вот история, которую я вам изложу ниже, действительно имела место быть, когда я был глупым ребенком. Мне до сих пор об этом стыдно вспоминать, но, как говорится, «из песни слов не выкинешь»...

Главным образом, Рамазан нам нравился из-за своих «колядок». Да, да — не удивляйтесь: эти «песни-колядки» пелись всей детворой, подходя то к одному, то к другому дому. Пелись они как на таджикском языке, так и на узбекском. Удивительно, но почему-то, запомнился только узбекский вариант:

«Ассалому-ляйкум! Бизлар келдик,
Пайғамбар йилини излаб келдик.
Хар йилда келади бир марта рўза,
Савоби — чавоби сиздан бизга.
Зумрале-зумрале, бир сўм берале,
Ок танга, кўк танга,
Чикора беринг чон янга!»

(Мир вашему дому, мы к вам пришли,
Известить о священном месяце Посланника.
Раз в году приходит месяц Рамазан,
Богоугодного ответа ждем от вас.
Зумрале-зумрале, дайте один рубль,
Белую таньга, или желтую таньга,
Вынеси и подай нам, дорогая тетя!)

Следует отметить, что бухарский дом строится по особому плану. Приоткрыв дверь (которая, как правило, никогда не запирается, кроме, как на ночь), вы попадаете в «раърав» (от тадж. «раъ», «рох» — «дорога», т.е. «рядом с дорогой») — небольшое помещение непосредственно перед домом. Справа или слева от него, обычно, располагаются сортир или какая-нибудь кладовка. Раньше, в раъраве размещались ясли для скота, поскольку в любом доме была хоть какая-либо живность. На худой конец, обыкновенный ишак, который начинал пронзительно орать, едва на его территорию покушался чужак. В описываемый период ослов уже становилось все меньше: на смену приходила техника в виде обычного двухколесного велосипеда — предмета «охоты» и особой зависти у местной ребятни. Владельцев личных автомобилей в описываемый период легко можно было сосчитать на пальцах одной руки.

Постояв ещё с минуту, детвора выкрикивала во двор:

«Ё савоб, ё жавоб!»

(Или проявите благодеяние, или дайте ответ!)

Как правило, хозяева не заставляли себя долго ждать и выносили нам что-либо из еды (в чем мало мы нуждались), либо бросали за порог дома горсть мелких монет, достоинством от 5 до 20 копеек. За монету, в 50 копеек или (что было ещё реже) 1 рубль, могла развернуться настоящая баталия, которая, бывало, заканчивалась рукопашной. Колядки эти были

делом весьма обыденным и привычным: взрослые, глядя на нас, вспоминали свои юные годы, и ностальгические воспоминания бывшего безвозвратного детства растапливали их сердца, понуждая их к милосердному акту в такой священный месяц.

Так и продолжалась бы, наверное, эта идиллия до сегодняшнего дня, если бы мы своим поведением не дискредитировали сам институт коляды, заставив взрослых пересмотреть свое отношение к нему, с учетом вновь сложившихся реалий на постсоветском пространстве.

А все дело было в том, что новому подрастающему поколению космонавтов и летчиков, впитавших в себя атеистическую советскую пропаганду и идеологию, были чужды такие понятия, как страх перед божьей карой, перед чистилищем, перед ответственностью за свои поступки. Словом, чужды были все те моральные и нравственные устои, на чем зиждилось воспитание наших дедов и прадедов. А потому мы, поразмыслив немного, вдруг сообразили, что под предлогом колядок очень удобно «тырить» чужие велосипеды. Благо, их было, чуть ли не в любом доме и без всякой привязи.

Осторожно войдя во двор какого-нибудь дома, мы с опаской озирались по сторонам в поисках вожака предмета и, увидев нашу двухколесную жертву, спешно и незаметно старались вытащить её на улицу. Все было продумано до мелочей: едва кто-либо из домашних выходил во двор, как мы тут же, временно оставляли свою добычу в покое и пронзительным голосом завывали:

«Ассалому-лайкум, бизлар келдик...»

Внешне все выглядело невинно, и нам даже на первых порах все сходило с рук, пока... Пока инциденты с кражами велосипедов не приобрели характер массовой эпидемии.

Верна пословица: «Что посеешь, то и пожнешь». С каждым разом задача наша усложнялась, ибо бдительные хозяева были уже в известной степени проинформированы о последствиях подобных колядок, а потому вместо сладких леденцов и желанных монет на наши головы стали обрушиваться бранная ругань, а иногда и горсти камней.

Апофеозом наших походов явился случай, после которого мы раз и навсегда забыли о традиционных песнопениях.

Войдя в очередной двор, часть из нас хором затянула известный мотив, другая же — ринулась расправляться с «железным двухколесным конем», марки пензенского велосипедного завода. К нашему великому изумлению велосипед оказался намертво привязан к столбу массивной цепью, на концах которой висел огромный амбарный замок. В замешательстве мы притихли. Наконец, в глубине дома открылась дверь, и нашему взору предстал темный силуэт мужчины.

— Ё савоб, ё жавоб! — со слабой надеждой, выдавили мы из себя.

— К@ток!!! (Х@й /вам/!!!) — оглушил нас отнюдь не богоугодным ответом грубый мужской голос, заставив нас как по мановению волшебной палочки, раствориться во тьме наступивших сумерек.

Жаль, конечно же, но на этом интерес к колядкам у нас пропал окончательно и бесповоротно.

Велик

Вероятно, у каждого из нас в детстве было заветное желание. Моей светлой мечтой был велосипед. Сначала — трёхколёсный, а чуть позже — в классе четвертом-пятом — настоящий, двухколёсный. Нет, не «ПВЗ»: ¹ тот был слишком «взрослым» для меня, да к тому же и чрезвычайно дорогим — пятьдесят два рубля. Об этом не могло быть и речи. Меня вполне устроил бы «Школьник» или — на худой конец — «Ласточка». Правда, последняя модель, считалась «дамской», ввиду отсутствия передней рамы, но с другой стороны, это даже было, скорее, её плюсом, поскольку избавляло нас — низкорослых юнцов — от мучительных попыток, запрокидывать ноги через высокую раму «взрослого» велосипеда. И по цене, второй тип «великов» был гораздо привлекательней — что-то, около 35 рублей. Однако и такая сумма, по тем временам, представлялась довольно внушительной для бюджета среднестатистической советской семьи. Особенно если учесть, что нас у родителей было пятеро. Тут уж, моим родителям, волей-неволей, приходилось придерживаться мудрой и осторожной политики, во избежание всевозможных обид со стороны остальных членов семьи, что выглядело вполне справедливо. А потому, рассчитывать на столь щедрый подарок, я мог лишь весьма гипотетически, в своих самых смелых и невероятных фантазиях.

Это выглядело примерно также, как чуть позже, я вычитаю в книжках по астрономии: да, есть далекие галактики, да, существуют в них звездные системы, подобной нашей, и даже, очень возможно, что имеется жизнь на какой-нибудь из них, но — вероятность контакта настолько мала... Словом, шанс был невелик, однако, именно эта слабенькая надежда, удивительным и непостижимым образом перевешивала всё остальное.

Тем более, что мои мягкосердечные родители, не желая расстраивать ребенка, дипломатично уклонялись от конкретного ответа, не говоря ни «да», ни — «нет».

Это ещё более распаляло детское воображение: образ «золотого тельца» на двух колёсах, прочно засел в моём сознании — велосипедом я грезил целыми днями и бредил во сне, по ночам. Иногда, мне казалось, что эта мечта вот-вот близка к воплощению, но всякий раз, в самый последний момент, неизвестно откуда взявшиеся непредвиденные обстоятельства, препятствовали осуществлению, вновь отодвигая её на новый неопределенный срок.

То, что происходило в такие минуты в ранимой и хрупкой душе ребёнка, невозможно передать словами. Обида — это совсем не то слово: эти чувства способен понять лишь тот, кому хоть раз довелось оказаться в подобной ситуации. Каждый раз, с трудом находя в себе силы, я «поднимался на ноги» и, заглушая в себе боль, вновь и вновь попытался заставить себя поверить в то, что уж, в следующий раз, я буду обязательно вознагражден за все свои душевные муки и страдания. И каждый очередной такой случай, оставлял в моём сердце глубокие раны, которые, заживая со временем, оставляли, тем не менее, заметный след.

Что тут скажешь: ребёнку так свойственно и ближе по своей природной сути, верить в чудо... Мне бы, поднатужиться, поднапрячь немного свои детские мозги: прикинуться на недельку-другую паинькой и послушным сыночком; подналечь и принести со школы хотя бы две-три «пятерки»; поймать удобный момент, когда папа с мамой смеются, подойти к ним и тихо сесть рядом, изобразив на лице страдальческое выражение, полное скорби и утраты...

¹ Пензенский велосипедный завод

И — всё! Можно смело подготовить кусок марли или фланелевую тряпочку для любовной протирки и чистки новенького седла и бардачка, от которых так пахнет кожей и магазином!

Однако с Хитростью, дела у меня обстояли неважно: видать, пока я, раскрыв от удивления рот, изумлялся этому миру, остальные — более шустрые сверстники — разобрали ходовой, нынче, товар. А потому, когда я приплёлся к «шапочному разбору», со дна мешка, глупенько, хлопая своими невинными глазками, на меня взирали лишь Доверчивость и Наивность. Так что, выбора у меня не было: пришлось довольствоваться тем, что осталось.

Позднее, став значительно старше, я так и не сумею полностью избавиться от этой «парочки», осуждаемой на всём трезвомыслящем Востоке, часто являясь предметом для язвительных насмешек со стороны товарищей и вызывая бешеную ярость и стыд в душе моего старшего брата. Именно ему, впоследствии, я буду обязан многим урокам, что преподносит нам жизнь, и на которые иногда совсем не просто дать однозначный ответ.

Конечно же, брат меня любил и жалел, но в немалой степени, его рвение и усердие в этом вопросе объяснялось тем, чтобы позорное пятно «дурачка-простофили» не легло на всю нашу семью. И в этом — надо отдать ему должное — он преуспееет. Хотя, однажды, всё-же, причинит мне очень острую боль, легкий след от которой до сих пор даёт о себе знать. Но об этом чуть ниже...

В один из дней, Судьба сжалится надо мной: родители пригласят меня для беседы в гостиную. Надо ли, описывать то волнение, когда я переступил порог главной комнаты, являющийся одновременно и кабинетом отца. Сердце колотилось столь неистово и сильно, что, казалось, ещё немного — и оно выскочит из груди.

Папа встретил меня стоя у стола, мама же, сидела в кресле, чуть поодаль, у окна. Прямо над их головами, со стены, на меня ласково и добродушно смотрели два портрета: молодой и красивый папа, с густыми мохнатыми бровями, и совсем юная мама, в национальной тюбетейке, из под которой многочисленными ручейками-струйками ниспадали длинные девичьи косички. Я перевел свой взгляд с портрета на маму, которая продолжала как-то сдержанно и загадочно улыбаться. Мама преподавала в младших классах в той же самой школе, где я учился, а потому была в очень тесном контакте с моими учителями.

— Значит так: мы тут, с мамой, посоветовались — по привычке, сдержанно произнёс родитель, словно, он по-прежнему находился у себя в редакции, на планёрке. — В общем, велосипед мы тебе можем купить, но... при одном условии: ты обязан до конца учебного года исправить «тройку» по ботанике. Договорились?

Боже мой! Я не верил своим ушам! Какой может быть разговор: исправлю, конечно-же, исправлю! Расцеловав на радостях родителей, я метнулся к отрывному календарю, что висел у нас в коридоре: до летних каникул оставалось ещё долгих два месяца. Мне ничего другого не оставалось, как крепко стиснуть зубы: «ничего, зато велик уже, можно сказать, тут, в коридоре». Я бросил взгляд на прихожую, прикидывая, где будет место «стоянки» моего будущего двухколёсного друга. И, в следующую минуту, уже рылся у себя в портфеле, в поисках нужного учебника.

Надо было основательно взяться за ботанику. «Пестик, тычинка, рыльце, цветоложе... Однопольные, семядольные...» — зубрил я без усталы днём и ночью.

Одноклассники перестали меня узнавать: обычно, флегматичный и пассивный на уроках, я преображался, едва в класс входила «ботаничка».

Нисколько не стесняясь своих друзей, я как самый последний негодяй, отъявленный «отличник» и «выскачка», изо всех сил тянул свою руку вверх в надежде, что, наконец то, учительница обратит на меня своё внимание и вызовет к доске. Но, по закону подлости, она, как назло, не замечала моё рвение. Постепенно, товарищи перестали со мной здороваться.

Во дворе, дело обстояло не лучшим образом. Меня, которого ни за какие коврижки невозможно было загнать домой, не видно было на улице. Друзья недоумевали: что случилось?

Я же, поклявшийся себе — молчать до последнего момента, сознательно отказывал себе не только во всевозможных играх и викторинах, устраиваемых ежедневно нашей детворой, но и лишил себя самого главного праздника — футбола, который мы гоняли ежедневно до поздних сумерек.

Вскоре, мой аскетизм принесёт свои плоды: в дневнике, напротив предмета «ботаника» будут красоваться две «четверки» и одна «пятёрка». Правда, по всем остальным урокам, я заметно сдам. Однако, это меня расстраивало менее всего: главное — я сдержал своё слово!

Приближался конец главной четверти. До заветного дня оставалось всего ничего. Никелированный блестящий обод переднего колеса «Школьника», уже отчетливо просматривался в проёме нашей двери.

В один из дней, придя со школы домой, я заглянул в наш старый пузатый холодильник «Мир», в надежде перекусить что-либо на скорую руку. На удивление, он окажется пуст. Ничего путного, кроме молока, масла и яиц, моему взору не предстало. На короткое время я задумался.

И тут, вдруг вспомнил, как однажды я был восхищён вкуснейшим омлетом, которым меня угостила Анна Ивановна, жившая этажом выше и которую все мальчишки нашего двора дразнили не иначе, как «Анна-Ванна». Глаза невольно закатились вверх, мысленно представив себе эту пышную вкуснятину.

И я решился. Не скрою: сомнения терзали. Во-первых, подходить к плите, а тем более, что-либо самостоятельно готовить, нам категорически запрещалось.

Ещё свежи были впечатления от первого кулинарного опыта, проводимого совместно с сестрой, когда мы решили пожарить картошку. Я вспомнил сожжённую сковородку, обуглившиеся и слипшиеся брусочки картофеля и жуткое облако дыма, застрявшее надолго под потолком, и невольно передёрнул плечами. Помню, как папа, с ремнём, гонялся за нами вокруг стола, а мы слёзно просили прощения, обещая, никогда больше в жизни не затевать подобных опытов.

А во-вторых, я плохо запомнил рецепт: знал только, что там обязательно должны присутствовать вышеуказанные ингредиенты, но вот в каких пропорциях... И, тем не менее, я рискнул. Руководствуясь чисто практическими соображениями и не задумываясь особо, я вбил в чашку четыре яйца, бухнув вослед пол литра молока. Добавил соли, немного сахара и, тща-

тельно взбив всё это дело вилкой, налил первую порцию в холодную сковороду и поставил её на огонь.

Вскоре, на поверхности весело забулькали пузырьки молока, однако, ожидаемой «шапки», почему-то, так и не появилось. Промучившись и вконец испортив первый омлет, я вначале заметно взгрустнул, но, вспомнив известную поговорку «первый блин комом», вновь воспрял духом и уверенно добавил немного муки. На сей раз, у меня вышло нечто среднее между блинами и оладьями, но, с «заплатками» и многочисленными комочками.

В третью попытку, меня угораздило поместить сковородку с деревянной ручкой в духовку. Наконец, когда оттуда повалил густой дым, я окончательно сник, поставив крест на своём эксперименте. Добросовестно отправив «омлет» в мусорное ведро и перебив кое-как посуду, я стал лихорадочно соображать — что бы эдакое придумать, дабы моё оправдание помогло мне избежать заслуженного наказания.

На душе «скребли кошки». Не знаю — почему, но ноги принесли меня в гостиную. Я осторожно перешагнул порог комнаты и бросил взгляд на портреты. Странно, но они смотрели на меня совсем по-другому, нежели пару месяцев назад. У папы, на переносице добавилась ещё одна складка, которую я не замечал раньше, отчего его взгляд показался мне сердитым и строгим, как у Карла Маркса, что висел у нас в школе, в кабинете истории. В мамином же взгляде, читался легкий укор и даже некое осуждение.

Далее, находиться дома было невыносимо, более того — опасно: скоро должны были возвратиться родители. Чтобы скинуть с себя неприятные мысли, было принято решение развеяться немного на улице.

И действительно: стоило мне оказаться во дворе, где меня встретила толпа ликующих товарищей, как угроза неотвратимого наказания показалась мне таким пустяком, что я очень скоро позабыл про все свои горести и печали. Через пять минут, мы уже вовсю гоняли мяч, предав забвению всё на свете.

Между тем, дома, где собрались все, за исключением меня, шло бурное обсуждение моего поведения. Как назло, именно в этот злосчастный день, наша классная руководительница передала моей маме табель с итоговыми оценками, в котором, наряду с «четверкой» по ботанике, красовались три жирные «тройки»: одна по физике и две — по математике.

То, что меня ждало дома, было вполне естественным и закономерным. Неестественной лишь, могла показаться стороннему наблюдателю, реакция моих братьев и сестёр, которые — казалось бы — вопреки здравому смыслу, заметно оживились, если не сказать более — обрадовались. Однако кто из нас не помнит того соперничества и тех потасовок, между отдельными членами семейства, которые имели место быть практически в любой приличной и уважающей себя семье?

Причём, как правило, «весовые категории» соблюдались строго и неукоснительно. Так, например, в нашей семье, несомненными «тяжеловесами» были старшие брат с сестрой. Моим же, извечным соперником по отвоёвыванию жизненного пространства, являлась вторая сестра, которая была на два года старше меня.

Самый незавидный и в то же время — самый удобный статус, имел мой младший брат, которому приходилось сражаться «против всех», и которому (по вполне понятным причинам) очень многое сходило с рук.

Итак, дождавшись, когда ярость отца достигла своей наивысшей точки, все дети, в предвкушении «премьеры», нетерпеливо заёрзали на стульях: каждому хотелось насладиться предстоящим спектаклем. Оставалось только послать гонца с извещением.

Вскоре, когда мама молча положила перед главой семейства мой табель, гостиную оглушил грозный рык и, к величайшей радости старшего брата, ответственная миссия делегата была поручена именно ему.

Надо отдать должное его фантазии и изобретательности, поскольку, справился он со своей задачей настолько блестяще, что многие послы умерли бы на месте от зависти.

Тем временем, ничего не подозревавший я, был с головой погружён в футбол. Ворвавшись в штрафную площадку противника и получив отличный пас, я уже развернулся, было, для того, чтобы отправить мяч в «девятку», как вдруг, боковым зрением, увидел радостно бегущего мне навстречу брата, энергично машущего руками и орущего непонятно — что.

— ВЕлик! — явственно и отчётливо донеслось до моего уха. — Иди скорей, посмотри, какой тебе купили велосипед!!!

Мяч медленно, как в кино, повис на какое-то мгновение в воздухе, а затем поплыл куда-то в сторону, в то время, как самого меня — плавно унесло в другую. Перед глазами внезапно вспыхнули розовые круги, а земля под ногами исчезла, то есть, совсем растворилась. Её просто, не существовало!

Я уже не помню, что я кричал в ответ брату, каким образом преодолел кажущееся бесконечным расстояние до дома, как ворвался домой и как сбрасывал на ходу свою обувь... Ничего этого не помню. Помню только, что, влетев пулей в комнату, с горящими глазами, едва выдохнул:

— Где велик?!

Окончательно же, приду в себя, когда увижу отца, судорожно расстёгивающего на поясе ремень и цедящего сквозь зубы:

— «Велик», говоришь? Сейчас я тебе покажу «велик»!

И тут, я впервые в жизни, вдруг ощутил, как где-то глубоко внутри просыпается какое-то неведомое мне прежде чувство, с которым никогда ранее не приходилось сталкиваться.

Нет, велосипед здесь был совершенно ни при чём: о нём я уже успел забыть. То было совершенно иное... до боли сжавшее грудную клетку. Такое ощущение, словно, по чему то очень свято оберегаемому и тщательно скрываемому от всего остального мира, а потому, и — очень сокровенному и дорогому — пробежалась рота солдат, растоптав всё вокруг своими грубыми и грязными тяжёлыми сапожищами. Ощущение полной пустоты и разрухи...

Взбучку я, конечно же, получил. Хотя, папе с трудом удалось дотянуть до конца роль строгого и сурового родителя. Ибо, в такие минуты, он сам очень сильно переживал и еле сдерживал себя от того, чтобы не расчувствоваться и не приласкать свою несчастную жертву.

И уже поздно ночью, когда я, всхлипывая и шмыгая носом, почти засыпал, вдруг знакомая тёплая и колючая щека нежно прошла приятным наждаком по моему горячему лбу, после чего я окончательно успокоился и заснул.

Баллада о красном галстуке

Брат и я в гостях у сестры в Ташкенте. 2017 г.

Каюсь: в школе я учился из рук вон плохо, являясь твёрдым «троечником». Более всего, я ужасно боялся таких предметов, как «химия», «физика» и «математика». В связи с этим, невольно всплывает известный анекдот.

- Ты помнишь, чему равен синус 45?
- Помню: корень из двух на два.
- А тебе это пригодилось в жизни хоть раз?
- Конечно!
- Как?
- Вот ты сейчас спросил, я ответил!

Лишь по «рисованию», «истории», «литературе» и «русскому языку» я имел заслуженные «четвёрки». А по «географии» даже — «пятёрка»! Но, про «географию» — это отдельная тема: успешному освоению этого предмета я всецело обязан брату.

Так уж сложилось, что самым интересным для меня собеседником (на протяжении вот уже более полувека), является мой старший брат Ганижан. С ним можно общаться на любые темы: о политике и экономике, о медицине и психологии, об искусстве и классических поэтах Востока, о философии и о юморе. Для меня он является тем редким авторитетом, перед которым я испытываю благоговейный трепет.

Две основные черты его характера — свобода и независимость — будут сопровождать его по жизни, постепенно выковывая в мудрую и независимую личность. Несмотря на небольшую казалось бы разницу во времени (всего лишь 6 лет), мы живём с ним «в разных мирах». Сейчас попробую объяснить...

О нашем «любимом и славном вожде» мною уже написано немало. Но сегодня, в контексте такой славной даты... грех не вспомнить его ещё раз.

В каком-то смысле, мне здорово повезло: меня угораздило родиться в самый пик расцвета Страны Советов: Великая Отечественная отгремела, страна потихоньку стала оправляться и приходить в себя, Гагарин полетел в космос, мы помогаем африканцам сбросить колониальное иго, заставляем страны Варшавского договора полюбить социализм, а цены практически застыли со сталинских времён (если не считать хрущёвскую деноминацию 1961 года).

В смысле социальной защищённости — и вовсе не стоит говорить: всюду тебя заботливо оберегают партком, профком, местком, участковый милиционер и ДНД (добровольная народная дружина). Всё бесплатное: медицина, образование, путёвки в санаторий, пионерские лагеря, дворцы творчества, кружки, клубы. В школе: красный уголок, клятва пионера... Лёня Голиков, Валя Котик, ну и конечно-же, Кочан Джакыпов (куда ж, тут деться без интернационализма!)

Брат же мой, являлся отчасти продуктом той ещё, старой буржуазной системы, который не успел толком, по-настоящему заразиться коммунистическими идеями и лозунгами, и у которого, по всей вероятности, был приобретён стойкий иммунитет против любой пропаганды и идеологии. Очень возможно, что всё это ему передалось с генами от предков, и в первую очередь, от моей тихой и неприметной бабушки (по материнской линии), прекрасно помнившей приход большевиков и захват войсками М. Фрунзе старой Бухары осенью 1920 года.

— Мучико омдан! («Мужики пришли!») — это словосочетание накрепко останется у неё в памяти до конца своих дней, поскольку, именно в этот период, бухарцы любыми способами постараются вывести своих жён, сестёр и дочерей за пределы города (в окрестности и кишлаки), избавив тем самым свои семьи от насилия и позора со стороны пришедших «освободителей».

И, если моё поколение, будучи первоклассниками, на полном серьёзе гордилось октябрятской звёздочкой, а потом — в четвертом классе — искренне рыдало, если не находило своей фамилии в списке претендующих, носить гордое звание «пионер», то поколение моего брата лишь снисходительно посмеивалось над колдовскими обрядами и шаманскими ритуалами советских неофитов.

Нет: там, конечно-же тоже, хватало своих «павликов морозовых» и просто, верящих в светлое будущее. И — тем не менее — среди отдельных учеников были и такие смышлёные ребята, которые прекрасно понимали, что переть против огромной идеологической машины им явно не по плечу. А потому, приняв правила игры и стиснув зубы, они также как и остальные, были вынуждены носить на груди эти непонятные атрибуты и символы.

Впрочем, очень скоро Ганижан догадается извлечь от этого немалую пользу для себя. Дело в том, что в те далёкие 60-е годы, среди местной молодёжи, было модным носить брюки в «дудочку» и узконосые лакированные туфли. Единственная проблема заключалась в жарком климате Средней Азии, с её извечной спутницей — пылью. И тут, вдруг, брата осенило — помните, знаменитое посвящение Д. Хармсу: «Он догадался наконец, зачем он взял мешок!» — пионерский шелковый галстук идеальнейшим образом подходил для... чистки обуви!

Именно за этим занятием, его однажды застанет спускавшаяся по лестнице одноклассница — отличница-активистка и старшая по пионерскому звену.

— Саидов... — только и вымолвит от переполняющего душу гнева и возмущения будущая комсомолка.

И в следующую секунду, покрывшись пунцовыми пятнами, лицо звеньевой, в солидарности сольётся с красным галстуком, гордо возлежащим на её юной груди. Естественно, как и положено образцовой пионерке-стукачке, подробный и обстоятельный отчёт о кощунственном святотатстве был вскоре доложен на самый верх. За что моего брата чуть не исключают из школы.

Правда, учился он без особого азарта, перейдя вскоре, после окончания 8-го класса, в ФЗУ (Фабрично-Заводское Училище). Но это обстоятельство несколько не мешало ему — на правах старшего брата — следить за моими школьными успехами и проверять время от времени мой дневник. И, если бывало, я получал неудовлетворительную оценку по какому-либо предмету, то тут он отыгрывался на мне, что называется, по-полной. Полагаю, излишне говорить, с каким пиететом, уважением и даже (чего уж там греха таить) известной долей страха мы относились к нашим старшим братьям.

Однажды я схватил «двойку» по географии. Домой меня волокли не ноги, а сто-пудовые гири. И как назло, брат был дома.

— А ну, покажи дневник! — по закону подлости, заинтересуется брат моими школьными успехами.

Обнаружив «двойку», он шлёпнет меня по затылку:

— Что это такое?!

И в следующую секунду, достав из книжного шкафа увесистый «атлас» и раскрыв наугад страницу с Дальним Востоком, гневно осведомится:

— А ну-ка: что это?

— «Курильские острова»... — тихо промямлю я, прочитав заголовок.

— Так, хорошо... — процедит Ганижан и пролистав пару страниц назад, где масштаб будет в разы меньше, вновь спросит:

— А теперь, покажи мне здесь эти самые острова!

От страха я ткну «пальцем в небо» и... получу от брата ещё одну затрешину.

— Чтоб через неделю ты знал все столицы мира, понял?! — грозно склонится он надо мной.

— По-о-нял... — проблеял я как приговорённая к закланию овечка...

С тех пор минуло много лет.

Как это ни странно, но столицы многих стран мира я и по сей день знаю не хуже, чем та 3-летняя украинская девочка, что недавно мне довелось узреть на одном из распространённых теле-шоу.

Ну, а пионерский галстук... Галстук тоже, хранится у меня в шкафу и должен заметить, недавно сослужил мне неплохую службу.

На днях, у меня сильно разболелась рука. Да так, что не утерпев, я побежал к доктору. Мне прописали лекарство, зарядку и компресс с повязкой в локте. Как вы уже вероятно догадались, в качестве повязки я использовал свой школьный галстук. Вы не поверите, но — через две недели — всё как рукой сняло.

Вот, что галстук животворящий делает!

Папа

Папа. Фото из личного архива автора

Мой отец поровну поделил свою жизнь между собственной семьей и не менее родной его сердцу редакцией «Бухоро Хакикати» («Бухарская Правда»), которой он отдал более 30 лет своей жизни, проработав в ней сначала в должности ответственного секретаря, а затем заместителя редактора этого главного рупора местного обкома партии.

Назвать его высококлассным профессиональным репортером или талантливым журналистом я бы, все же, поостерегся, хотя на лацкане его пиджака постоянно красовался значок — члена союза журналистов СССР, которым он, кстати, очень дорожил, хотя и старался не показывать виду.

Зато он был, что называется, настоящим газетчиком и очень гордился этим. То есть, он был тем ремесленником (в лучшем смысле этого слова), который умел и любил «делать» газету. Ни одна полоса не попадала в окончательную верстку, не пройдя отцовской правки.

Следует отметить, что в советскую эпоху очень тщательно следили не только за грамматическими и орфографическими ошибками, которые в иные времена могли стоять места, а иногда и головы (знаменитое «главнокомандующий», с опущенной буковой «л» и другие). Важна была даже не только и не столько сама цензура (ибо, этой адской машине в «брежневские» времена не могло ничто существенно противостоять) — не менее важны были нюансы совершенно иного характера, а именно: в каком порядке следует перечислять в газете членов Политбюро ЦК КПСС, какую фотографию помещать на «главную», как быть, если главных новостей сразу несколько и ещё многое другое. А поскольку, «мышьяковая возня» в Кремле никогда не затихала, то и угадать — как правильно «расположить фигуры» — было под силу далеко не каждому. Здесь требовался аналитический склад ума и немалое мужество — возложить на свои плечи серьезную ответственность за принятое решение с тем, чтобы затем держать ответ перед идеологическим отделом ЦК.

Сейчас, вероятно, это может лишь вызвать снисходительную улыбку у молодого поколения, малознакомого с многочисленными тайными пружинами, приводящими в действие огромный и четко отлаженный механизм советской бюрократической машины, однако в описываемую эпоху, поверьте, было далеко не до смеха.

Как правило, в подобных случаях все происходило по строго утвержденному сверху сценарию: Москва отсылала «правильный текст» в редакции республиканских газет, а те, в свою очередь, спускали окончательный вариант уже в областные редакции. Вследствие этого, выход тиража иногда задерживался до полудня, а то и до вечера. А это уже было, чуть ли не ЧП. В исключительных случаях, иные руководители брали на себя ответственность, принимая окончательное решение, а затем с ужасом ждали развязки, гадая — «правильно ли я поступил, или нет».

Насколько мне припоминается, отцу не раз приходилось играть в эту «советскую рулетку». Возможно, он и в самом деле был неплохим аналитиком, поскольку все его инициативы заканчивались с благополучным исходом. А он, порою, гордился, что обошел республиканскую газету «Правда Востока», которая ждала разъяснений из Москвы.

Редакция была его вторым родным домом: отец мог там задерживаться допоздна, пока не устранялись все проблемы. Прекрасно зная его неподкупный характер, молодые сотрудники, все же, были в курсе насчет одной — единственной — его «слабости» — папа не прочь был расслабиться после тяжелого трудового дня и потому, улучшив момент, они приглашали его в

кафе, находившееся рядом с редакцией, где угощали «столичной» или же коньяком. А потом, изрядно захмелевшего, провожали до дому, который тоже находился в двух шагах от редакции.

Невероятно скромный, тихий и неприметный в быту, папа в такие минуты сильно преоблажался: видимо сказывались напряжение и усталость.

Едва его нога вступала на территорию нашего двора, как мы — я или брат — со всех ног мчались уже «на перехват», поскольку его громкая ругань и мат оглашали всю округу, (вынуждая соседей тактично закрывать свои окна) и слышны были далеко, вызывая понимающие улыбки на лицах наших сверстников.

В такие минуты нам становилось ужасно стыдно и мы, подбежав к сопровождающим его коллегам, благодарили последних, брали отца под руку и, всячески пытаясь успокоить, тащили его по скорее домой. Отец ни в какую не хотел отпускать своих коллег, поскольку это противоречило понятиям восточного гостеприимства. Однако, «гости», прекрасно понимая создавшуюся ситуацию, при которой воспитанному человеку следует в данном случае тактично отказаться, под всяческими предложениями старались уклониться от назойливого приглашения, обещая, что «завтра уж, непременно посетят столь гостеприимный дом».

Так как по гороскопу отец был «львом», то, едва переступив порог собственного порога, он оглашал его своим грозным рыком, напоминая домочадцам — кто в доме хозяин. Это одновременно и смешило и бесило домашних, прекрасно знавших мирный характер отца. Родные давно привыкли к подобным картинам, поскольку со стороны выглядело это совершенно беззлобно и — я бы даже сказал — уж слишком нарочито. Да и сам отец, в таких случаях, старался не смотреть в глаза своей «жертвы», поскольку в глубине души он жутко стеснялся своего состояния.

Иногда, в короткие минуты отрезвления, видя, что это нас только веселит, он и сам широко и довольно улыбался, однако, через короткое время чересчур большая доза алкоголя все же заявляла о себе, вновь отбрасывая его в состояние опьянения, заставляя по новой «отчебучить» этакое, от чего мы снова хватались за животы.

На утро же, насупив свои густые и мохнатые брови и старательно изобразив на лице нарочито хмурое и серьезное выражение, он как можно скорее собирался на работу, стараясь ни на кого не смотреть (а уж тем более — говорить), чувствуя за собою вину за вчерашнее и явно терзаясь угрызениями совести.

Главный коридор, проходивший по центру здания редакции, строго делил «узбекскую» газету от «русской». Однако деление это было чисто условным, поскольку атмосфера в коллективе была очень демократичной, что, впрочем, всегда являлось одним из важных факторов, отличающих по-настоящему профессиональные и творческие издания от остальных.

Коллеги его всегда уважали и ценили не только за его жертвенность и самоотдачу, которая у него была, что называется, в крови, но и за его шутки и остроты, байки и анекдоты (порой, довольно фривольного содержания), за любопытные истории и забавные курьезы, случающиеся в журналистской практике и которые, как правило, можно услышать только в редакционной «курилке».

Одним словом, он жил и дышал своей работой, находясь среди таких же единомышленников, которые как и он беззаветно и преданно любили свое дело и не представляли себе иной профессии.

Когда же отцу доводилось бывать дома, мама незаметно старалась отключить розетку телефона. Впрочем, случилось подобное, по-моему, лишь однажды. Папа пришел в неописуемую ярость и очень грубо отчитал маму. Такие сцены были нетипичны для нашей семьи и потому, наверное, ярче остальных впечатались мне в душу.

По любому пустяку ответственный или дежурный редактор мог позвонить к нам домой, чтобы справиться у отца — как поступить в том или ином случае. И отец терпеливо все объяснял. Иногда звонок будил всю нашу семью в три часа ночи. В такие минуты отец вначале выяснял — какова ситуация и потом пытался выправить все по телефону. Не раз бывало, что он раздраженно швырял тяжелую черную трубку, одевался и, матерясь про себя, шел на работу.

Более всего, отец мне запомнился сидящим за столом и пишущим очередную передовицу, очерк или фельетон. Отсчитав несколько чистых листов формата А-4, он бережно укладывал их слева от себя и, положив перед собой первый чистый лист, долго смотрел на него, мучительно терзаясь мыслями. Наконец, он бросал ручку, вставал и начинал нервно ходить вокруг стола.

В такие минуты я старался молчать, поскольку чувствовал, что там, в голове совершается какой-то неведомый мне, но важный мыслительный процесс, которому не следует мешать. Затем он также внезапно садился и начинал строчить. Рядом лежали толстые папки, в которые он иногда заглядывал для того, чтобы найти и сверить те или иные данные или цифры.

Порою, он радостно вскакивал с места и громко звал к себе маму, чтобы поделиться с ней своей неожиданной литературной находкой. Мама неизменно поддерживала и сдержанно хвалила даже тогда, когда не понимала — о чем идет речь. Папе этого вполне было достаточно. Найдя какую-нибудь удачную метафору или необычное обыгрывание слов, он радовался своей находке словно ребенок, целый день, находясь в приподнятом настроении. И мы — его дети — радовались вместе с ним.

Справедливости ради, следует отметить, что в жизни отца бывали и периоды, когда он отчаянно и порою безрезультатно терзался муками, но уже не творческого, а совсем иного характера. Обычно, это было связано с предстоящими красными датами в советском календаре. И, если с 1 мая или 7 ноября было всё более-менее понятно, то с некоторыми другими — казалось бы, менее важными — отцу приходилось несладко. Не раз бывало, что он окончательно терял самообладание, бросал к черту ручку и в изнеможении опускался в кресло или на диван. И ведь, было отчего.

Об одной такой истории, связанной с приближением праздника, посвященного образованию СССР, полагаю, рассказать будет совсем нелишне. Это даже нельзя назвать историей, потому что подобная «головная боль», знакомая журналистам советских времен, неизменно наваливалась каждый год, аккуратно под самый новый год, а точнее — 22 декабря.

Советский пасьянс

Пасьянс предстоял с огромным количеством противоречивых данных, который в конце концов обязан был сложиться в стройную и красивую картину «настоящего советского народного властия». Отцу не удалось «спихнуть» это дело на второго зама, да это было даже не в его характере: он никогда не старался заранее выгадать для себя что-либо полегче, а потому довольно часто самое нудное и противное занятие приходилось делать самому. Вот и сейчас, наскоро и молча позавтракав, он пошел в гостиную и, подойдя к столу, брезгливо уставился на толстую серую папку скоросшивателя. Деваться, однако, было некуда...

— Та-ак... — наконец смирившись, произнес отец, раскрыв папку и вытянув из него первый лист. В нем мелким почерком в колонку пестрели нескончаемые имена и фамилии предполагаемых героев трудового фронта — депутатов очередного съезда партии. Папа отложил этот лист на край стола и вытащил из недр папки другой, с рекомендациями. Бегло пройдясь по нему, он также отложил его в сторону, но уже чуть повыше и вновь стал знакомиться с третьим документом.

Через полчаса рабочий стол напоминал собою карточную поляну заядлого картежника: не хватало лишь зеленого сукна. Родитель удовлетворенно крикнул и глубоко затянулся сигаретой. Теперь предстояло самое главное.

Высочайшее искусство заключалось в том, чтобы составить такой список, в котором народные избранники одинаково и равно представляли все районы области, все слои нашего демократического общества и при этом предстояло учесть требования к предполагаемым кандидатам, имея в виду социальное положение, пол, партийность (или наоборот — беспартийный) и т. д. и т. п. Словом, задачка выходила не из легких.

Когда через два часа я, вдоволь наигравшись со сверстниками в футбол, возвратился домой и вошел в гостиную, на отца невозможно было смотреть без сострадания. Он буквально рвал и метал по столу многочисленные бумажки, матеря последними словами партию и правительство, вместе со всеми членами Политбюро. Завидев меня, он несколько остыл и, упав в кресло, обреченно выдал:

— Ну где я им найду непьющего слесаря, партийного да ещё и с Канмехского района! В этих степях окромя чабанов и баранов, никогда и ничего не водилось.

— Можно, ведь, этот пункт пока пропустить и посмотреть другие кандидатуры. — попытался успокоить я отца.

— А-а... — безнадежно махнул он рукой, вставая с кресла и вновь садясь за стол. — Другие не лучше.

— Ну вот, например здесь, — папа ткнул пальцем в бумажку, лежащую слева внизу, — требуется: Каракульский район, механизатор, беспартийный, примерный семьянин, передовик, мужчина. И где мне его, по-твоему, им достать?

Я быстро прошелся глазами по списку кандидатур Каракульского района и вдруг, найдя подходящий вариант, радостно показал отцу.

— Ага: умник выискался — досадливо поморщился отец, — ты глянь, что тут написано: «партийный», а мне нужен беспартийный.

— Так может его из партии исключить? — попытался неудачно я пошутить, но, взглянув на отца, тут же осекся.

— Слушай: иди и не мешай, — устало произнес он, — мне сейчас не до шуток.

Однако оставить отца один на один с «загадками сфинкса» я не решился, а потому всего лишь немного отодвинулся от стола, продолжая изучать содержимое листов и пытаюсь хоть как-то помочь родителю.

Наконец, постепенно вникнув в «правила игры», я молча стал проверять один из вариантов, который по всем параметрам сходил с требуемым в «задачнике». Убедившись, что все расчеты верны, я набрался смелости и осторожно обратил внимание отца на мою находку. Отец нехотя отвлекся и, бросив взгляд на предложенный мною вариант, некоторое время, молча, стал сверять его с многочисленными бумажками, разбросанными словно карты по всему периметру стола.

Наконец, легкая улыбка обозначилась на его лице и он, подняв на меня изумленные глаза, многозначительно изрек:

— Да-а, похоже, из тебя может получиться неплохой аппаратчик.

Естественно, я счел это за неслыханный комплимент и, уверенно пододвинув стул, сел поближе. Возражений со стороны отца не последовало.

Уже ближе к вечеру, когда со стороны кухни начали доходить до гостиной сводящие с ума запахи жареной баранины с луком и со специями, наша совместная работа автоматически стала близиться к завершающей стадии: отец набело переписал список с таким трудом подобранных кандидатур.

Было видно, что он явно удовлетворен проделанной работой. Только в двух местах никак все не сходилось: в одном месте — профессия, в другом — нужен был коммунист, но в наличии имелся только беспартийный

В холодильнике стыла водочка, а на стол мама раскладывала уже тарелки с закуской и салатом. Этого было вполне достаточно для того, чтобы отец не дрогнув рукой, одним росчерком пера «превратил» обыкновенную колхозницу в механизатора, а беспартийного «наградил» членским коммунистическим билетом.

— Ничего страшного, — пояснил он мне, — в первом случае, она обучится хотя бы машинному доению, а во втором — вынуждены будут сделать его членом. Иди, мой руки и марш за стол!

Цугцванг

Отец за шахматной доской. Конец 50-х начало 60-х гг. XX века. Фото из личного архива автора

Несмотря на то, что отец слыл хлебосольным хозяином и сам был не чужд веселому застолью с хорошей выпивкой и закуской, тем не менее, он во всем любил порядок и меру. Если его самого приглашали в гости, то он, посидев с удовольствием положенное время, всегда

чувствовал — когда следует закругляться, дав тем самым возможность хозяевам отдохнуть немного от гостей. Я, например, не помню ни единого случая, чтобы отец остался ночевать у кого-либо в гостях. Сколько бы он не выпил (а выпить он любил), он неизменно стремился домой, ибо полный покой он находил только лишь, очутившись в своей родной кровати. Это у него было, что называется, в крови. Точно такого же отношения он желал видеть и от своих гостей. Хотя, порой, случались довольно забавные казусы.

Однажды гостем отца оказался какой-то местный литератор. Мне почему-то запомнилось его имя — Мелливой — очень редкое даже для местного населения. Как и все настоящие литераторы, он был неравнодушен к спиртному и шахматам.

Застолью предшествовала неспешная беседа и игра. Сыграв пару-тройку партий с отцом и окончательно убедившись, что соперник ему «не по зубам», гость заметно потерял интерес к игре, периодически поглядывая в сторону кухни. Отцу тоже претила «игра в одни ворота»: азарт настоящего игрока просыпался в нем только тогда, когда напротив него сидел достойный и сильный противник.

Родитель тактично предложил сопернику ничью и убрав шахматы, незаметно подал знак матери, означавший, что можно накрывать на стол.

Гость заметно оживился, когда на столе появилась бутылка «Столичной»: чувствовалось, что после писательства, это была его вторая страсть. А потому, очень скоро он настолько захмелел, что прямо на глазах у отца откровенно уснул за столом, уронив голову чуть ли не в тарелку с салатом.

Естественно, такого поворота событий папа никак не мог предвидеть, а потому мгновенно протрезвев, он стал лихорадочно соображать — каким образом вернуть товарища к цивилизованному застолью. Делать это следовало очень деликатно, дабы не дать повода гостю — обвинить в неучтивом и неуважительном отношении со стороны хозяина дома. С другой стороны, подобной картины ранее никогда в жизни отцу не приходилось видеть, а потому он был явно сконфужен, обескуражен и до крайности расстроен. Что делать?!

— Мелливой — чуть громче обычного обратился папа к гостю, желая обратить к себе внимание последнего. Однако, тот явно не слышал призывов отца.

Заботливая мама и любопытные маленькие члены семьи просунули свои головы в гостиную. Папа вопросительно уставился на нас.

— Мелливой — произнесла мама, в надежде на то, что голос хозяйки дома заставит вздрогнуть и проснуться незадачливого поэта.

В ответ гостиная наполнилась звуками неимоверного храпа. Мама не выдержала и тихо засмеялась. Дети также, прыснув от смеха, шустро исчезли в детской комнате. Одному папе было не до смеха: он нервно закурил сигарету и стал совершать круги вокруг стола, соображая — что бы такое предпринять, дабы гость наконец-таки очнулся. И тут его «осенило». Обычно, по завершению застолья, хозяин дома традиционно произносит «омин» — жест, означающий, что теперь можно расходиться.

Отец сел напротив гостя и, поднеся раскрытые и сложенные вместе ладони к своему лицу, достаточно громко произнес:

— Омин!

Ни единый мускул не дрогнул на лице Мелливоя.

Через пять минут дети, корчась в конвульсиях от смеха, валялись в разных концах коридора. И только из гостиной, ещё долго и настойчиво, словно молитва-заклинание, доносились монотонные «мантры» отца:

— Омин, Мелливой! Мелливой, омин!!!

...К сожалению, я уже не помню всех деталей того дня. Видимо, все же, каким-то образом гостя сумели «вернуть к жизни» и проводить домой. Я бы не сказал, что этот случай как-то особо повлиял на отца. Но в одном — точно, потому что с тех пор родитель стал очень осторожным и разборчивым в выборе партнеров.

Мат Диларам

Особой любовью в народе пользовались шахматные легенды, связанные с драматической любовью и описанные в чисто восточном стиле. Знаменитая история про красавицу Диларам и её щедрого и любимого, но неоправданно азартного господина, дошла до меня в следующей редакции, от отца.

Диларам, чьё имя в переводе с персидского означает «сердечный покой» («Дил» — «сердце», «ором» — «место, где душа обретает покой», другими словами — «рай», тадж.), была любимой наложницей знатного и богатого купца, который слыл очень азартным игроком и всем остальным развлечениям предпочитал игру в шатрандж.

Однажды он имел неосторожность сесть за одну доску с партнером, не уступающим ему по классу, причём игра, как и было принято в то время, шла на ставку. Силы были примерно равны, но в результате купец раз за разом проигрывал более удачливому сопернику. Однако, в надежде отыграться он вновь и вновь начинал заново. Ставки увеличивались, и вот к противнику перешло уже почти всё состояние незадачливого купца. Но последний не сдавался:

— Сыграем ещё одну, последнюю?...

— Что же, ты можешь предложить мне в качестве ставки?

Взгляд растерянного и потрясенного купца упал вдруг на свою прекрасную и несравненную наложницу Диларам.

— Вот моя ставка! — воскликнул решительно азартный игрок, надеясь отыграться и мысленно взывая к помощи Аллаха. Красавица покорно встала возле своего господина.

— В таком случае, за Диларам я ставлю всё, что выиграл, — проговорил восхищённый партнёр, Диаграмма 4 по достоинству оценив красоту восточной одалиски.

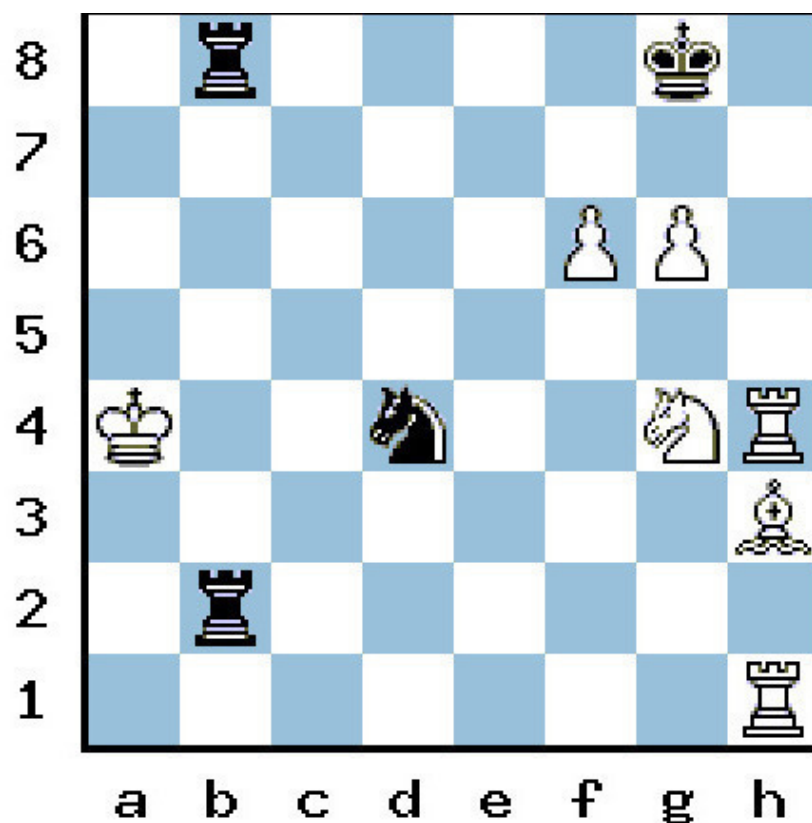

Диаграмма 1

Игра шла яростная и отчаянная. Наконец, на доске возникла следующая позиция (см. диаграмму1). Казалось, ещё немного, и король белых, которыми играл купец, вынужден будет сдаться. В отчаянии, он кинул прощальный взгляд на свою драгоценную Диларам.

И неожиданно, услышал подсказку от любимой:

— О, мой господин! Пожертвуй оба руха (ладьи) и спаси свою Диларам («Ду Руха дода, Дили Орамата халос кун!» тадж./перс./).

И, тут, вельможу «осенило». Он пожертвовал обе ладьи и поставил эффектный мат королю противника.

1. Лh4 — h8+! Кpg8: h8
2. Ch3 — f5+ Kph8 — g8
3. Лh1 — h8+! Кpg8: h8
4. g6 — g7+ Kph8 — g8
5. Kg4 — h6x (см. заключительную диаграмму).

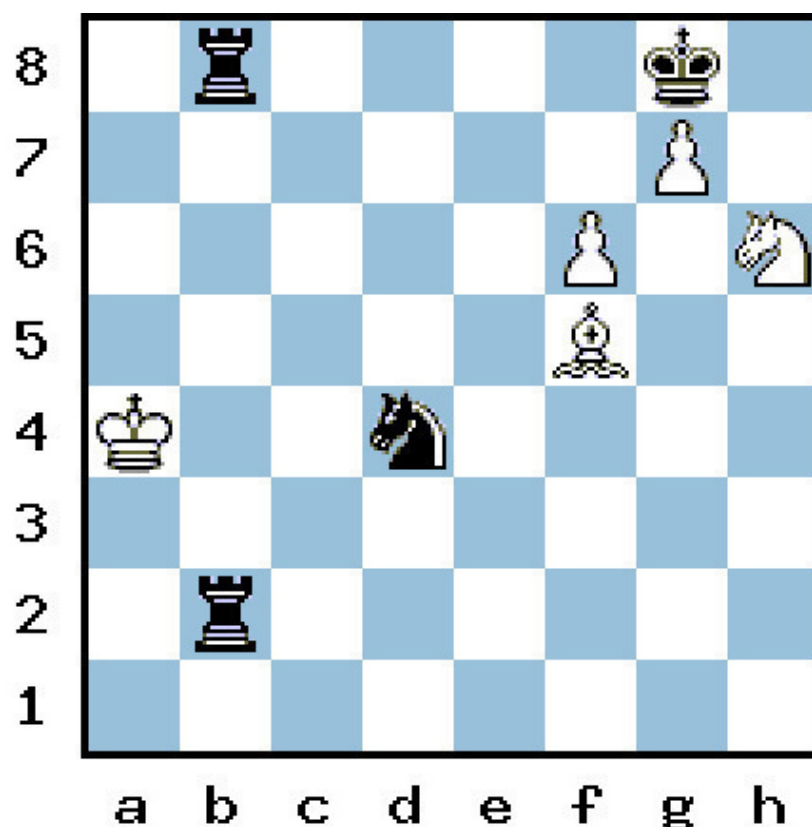

Диаграмма 2

Эта красивая и трогательная легенда примечательна ещё и тем, что в ней в завуалированной форме скрыта — как мне представляется — более глубокая тайна, истинный смысл которой постигается через образность, характерный для суфизма, идеи которого преподносятся слушателю иносказательно и наполнены аллегориями и символами. И в самом деле, если взять духовный аспект и подойти к оценке данной ситуации с этих позиций, то нам открывается иная, несравненно более возвышенная (по смыслу, идее и красоте) картина.

Все дело в подсказке любимой наложницы.

«Рух» в таджико-персидской литературе имеет несколько значений, одно из которых обозначает мифическую птицу (вспомним, по аналогии, про знаменитую птицу-Феникс — которая склонна «сгорая, самовозрождаться из пепла».), а второе — обозначает человеческую душу

Следовательно, подсказку мудрой наложницы можно интерпретировать и следующим образом: «Пожертвуй своим «низшим эго», своим «я», ради обретения истинного и вечного блаженства («Дили Ором», «Рай»)! «Познай своё настоящее «Я» и обрети, наконец, свободу!»

В этом контексте, нелишним будет напомнить, что аналогичные параллели, существуют и в литературе, на примере творчества таких величайших классиков восточной поэзии, как Аттар, Руми, Хафиз, Хайям... Произведения последних буквально напичканы подобными аллегориями, истинный смысл которых следует воспринимать не в прямой и грубой форме, а в более утонченной и эзотерической. Суфийский подтекст, присутствующий в этих произведениях, налицо, но он способен открыться далеко не каждому и не сразу.

В поэзии эта образность давно никого уже не удивляет: на эту тему написано десятки рефератов и статей. А вот в шахматах, я что-то подобного не припоминаю. Тем интересней, полагаю, для специалистов данный сюжет.

Железная логика

Плов. Фото автора

«...Не одобряется, если кто-либо из присутствующих выбирает исключительно кусочки мяса, оставляя своим „соседям“ рис. В этом случае, можно вполне заслуженно получить затрещину от отца (если за столом все свои) или тебе тактично сделают замечание (если в доме находится гость). Ну, а „личико почистят“ уже потом, когда останетесь одни».

(отрывок из книги «Магия Востока»)

Жизнь человека, родившегося на Востоке, с рождения и до самой смерти обставлена огромным количеством обрядов, церемоний и различного рода мероприятий, которые невозможно пропустить или игнорировать. Рождение первенца, обряд обрезания, свадьба, религиозные праздники — ничто не обходится без пиршеств и собраний, на которые в обязательном порядке приглашаются родственники, соседи, друзья, сослуживцы и прочий люд, с сопровождающим каждому конкретному случаю угощением, а иногда и подарками. Несомненно, всё это накладывает особый отпечаток на сознание местных жителей, которые настолько свыкаются с подобными вещами, что воспринимают сложившийся уклад, как нечто будничное и неизменно существующее от века.

Как правило, в основном, мероприятия разделяются на женские праздники и мужские. К последним, в частности, достаточно часто, относится и такое, как приглашение на плов. На подобных торжествах, где — как известно — собирается немалое количество незнакомых вам

людей, не принято группироваться с друзьями или знакомыми: вы, просто, занимаете свободное место, и это совершенно естественно и нормально.

При раздаче горячего, принято ставить одну тарелку плова на двоих. Эта традиция, уходящая своими корнями в глубокую древность, находит свое объяснение в религиозно-мифологическом контексте мусульманской эсхатологии, одно из положений которой можно сформулировать приблизительно следующим образом: «человеку, вкушающему пищу в одиночестве, сотрапезником, непременно, становится сам сатана (шайтан)».

Хорошо, если соседом по трапезе окажется ваш знакомый: в этом случае, можно мило побеседовать, да и естся легко и без всяких стеснений. И, совсем другое дело, если вам выпало — разделить обед с незнакомым человеком. Тут, поглощение еды превращается в настоящее испытание вашей воспитанности, сопровождаемое взаимной демонстрацией вежливости, подталкиванием друг к другу кусочков мяса, искусственным сдерживанием зверского аппетита и прочими излишествами восточного этикета, поскольку никому не хочется прослыть в глазах оппонента невеждой и невоспитанным ослом, напрочь лишенным понятий об элементарных правилах поведения за столом.

В тот день, моему родителю не повезло вдвойне: мало того, что он был ужасно голоден, так, к тому же, как вскоре выяснится, выпавший ему по воле жребия партнёр, оказался со своеобразными представлениями о приличиях и этикете, предписываемых благочестивому мусульманину.

Поначалу, как это и положено, мой родитель сдержанно довольствовался легким салатом из овощей и несколькими рисинками плова. Однако, вскоре, обратив внимание на то, как его сосед беззастенчиво и ловко, один за другим, уминает за обе щеки мясо, он заволновался, нервничая и ёрзая, как на иголках, терпеливо выжидая — когда же, наконец, бессовестный обжора образумится и проявит акт великодушия в отношении своего сотрапезника. Партнер же, был глух и нем, руководствуясь, похоже, моралью из известной басни Крылова «Кот и повар»: «А Васька слушает да ест».

Наконец, терпение отца лопнуло, и он отважился тактично намекнуть:

— Берите, берите... угощайтесь, не стесняйтесь... рис с морковью тоже полезны для здоровья...

— Нет, спасибо: мне мясо больше нравится — простодушно сознался сосед.

От неожиданности, папа чуть не подскочил на месте: за всю свою сознательную жизнь, ему ещё ни разу не приходилось сталкиваться с подобным уникальным экземпляром.

— Что Вы говорите? Неужели?! — изумился отец, вскинув высоко кверху свои густые мохнатые брови, и, выждав паузу, саркастически добавил: — Знаете, как это ни странно, но в любви к мясу Вы не одиноки: я тоже, к примеру, очень даже неравнодушен к нему!

— Так, в чем же дело?! — настала очередь удивляться собеседнику. — Берите и ешьте! Кто ж, Вам, не дает?

Логика оппонента оказалась настолько железной и «правильной», что мой бедный родитель застыл на некоторое время с раскрытым ртом, беззвучно шевеля губами, словно рыба, выброшенная на берег.

А затем, придя в себя, тихо произнес:

— Спасибо: пожалуй, я уже наелся: надо переварить полученную пищу.

Дороги, что нас выбирают...

Квартал «Гавкушон». Бухара, 2009 г. Фото автора

Судьба свела меня с Амоном в золотую пору моего студенчества.

Являясь на пару лет старше меня по возрасту, мой товарищ, прежде всего, обладал поистине энциклопедическими знаниями, приятной внешностью, горделивой и уверенной осанкой

и высочайшей культурой общения, унаследовавшей, по всей вероятности, от своего дедушки — потомственного бухарца, очень авторитетного и уважаемого человека в среде интеллектуалов и религиоведов города.

Кроме того, невозможно не отметить такую черту его характера, как остроумие и умение совершенно свободно полемизировать на любые темы. Не раз, его убедительная аргументация и меткие лаконичные высказывания обескураживали и сваливали наповал вполне уважаемых и солидных в научных кругах специалистов. Дилетантов же, он безжалостно уничтожал своим неподражаемым сарказмом, что вызывало во мне всегда двойственные чувства: наряду с некоторым неприятием столь жесткого метода по отношению к оппоненту, невозможно было не восхититься его уверенностью в своей правоте и тем, как это он мастерски проделывал.

«Коньком» же, его оставалась история. Особенно, что касалось искусства Средней Азии и, конечно же, краеведение. Не случайно, известные специалисты Института Востоковедения, приезжавшие довольно часто по делам в Бухару, изъявляли желание непременно в качестве гида видеть именно Амона, предпочитая его всем остальным экскурсоводам.

В упомянутую пору, мы работали с ним вместе в гостинице «Бухоро» от ВАО «Интурист», в качестве обычных барменов и буфетчиков, а потому довольно часто уединившись, предавались жарким спорам и различного рода дискуссиям. Естественно, что я не скрывал своих симпатий к нему, а ему, в свою очередь, почему-то всегда было интересно общаться со мною. Так, однажды разговаривая на тему общих знакомых, мы вдруг неожиданно выяснили, что являемся не такими уж и дальними родственниками. Постепенно речь зашла о его дедушке — главном «виновнике» нашего родства — и я, понятное дело, стал выпытывать у товарища некоторые подробности его детства.

— У деда было две жены. — видя моё упорство, сдался, наконец, Амон. — От первого брака родилась моя мама. Прошло несколько лет и вышло так, что деду пришлось жениться вновь. От второго брака на свет появилось трое детей: двое мальчиков и девочка. Но, поскольку к тому времени моя мама уже успела выйти замуж и родить меня, то разница в возрасте между детьми от второго брака и мною была невелика. Таким образом, формально выходило, что они приходятся мне «дядей» («тётей»), однако фактически мы были братьями, а потому частенько нас всех можно было застать ползающими или сидящими на коленях у счастливого дедушки. Тот же, никогда не делил детей и внуков, по какому бы то ни было признаку, а потому всегда распределял свою безграничную любовь одинаково и ровно между всеми. Довольно часто, во время совместной трапезы, дедушка имел обыкновение кормить нас из своих рук, что является делом привычным для жителей не только Бухары.

Тут я вынужден был прервать повествование моего друга, заинтересовавшись — чем объясняется тот факт, что обладая поразительной схожестью (все братья впоследствии переняли от деда-отца природную одаренность и уникальный ум), тем не менее, все они являются такими разными по характеру и темпераменту. И вот какую историю мне удалось узнать.

В один из дней, на обед была сварена шурпа — разновидность распространенного в среднеазиатской кухне супа, состоящего в основном из бульона, мяса и овощей. Традиционно, во многих семьях принято крошить в кашу с супом зачерствевший хлеб или лепешку. Так сказать, для экономичности, бережливости и пущей сытости. Помимо прочего, это ещё и способствует скорейшему остыванию бульона, что имеет немаловажное значение при кормлении детей.

Все трое мальчиков облепили главу семейства, приготовившись к еде. Дед, как обычно, принялся кормить, приговаривая при этом, обращаясь вначале к старшему:

— Абдусатторчон, шумо шўрбоя чияша нағз мебинед? («Абдусатторжон, что тебе более всего нравится в шурпе?»).

— Ман нонаша нағз мебинам, дадачон. («Я хлебушек люблю, папочка») — скромно отвечив старший, показывая, тем самым, что он хорошо усвоил уроки жизни и вместе с тем давая понять, что выбор его был не случаен («хлеб — всему голова»), что, конечно же, не могло не вызвать одобрения со стороны отца.

— Баракалло! («Превосходно», «замечательно»!) — умилительно прошептал родитель, растроганно моргая ресницами и, собственноручно отправив размокший и нежный кусочек лепешки в рот сыну, повернулся к среднему:

— Абдукаримчон, шумо шўрбоя чияша нағз мебинед? («Абдукаримжон, что тебе более всего нравится в шурпе?»).

— Ман обаша нағз мебинам, дадачон. («Я бульончик предпочту, папочка») — нашелся тут же средний сын, стараясь ни в чём не уступать в благородстве своему брату и демонстрируя такие качества прилежного мусульманина, как скромность, довольство, непритязательность и забота о других.

— Баракалло! — не выдержав, прослезился отец, поднося ко рту воспитанного сына деревянную расписную ложку с ароматной янтарной жидкостью.

Наконец, очередь дошла до младшего.

— Амончон, шумо шўрбоя чияша нағз мебинед? («Амонжон, а что ты более всего предпочитаешь в шурпе?»).

— Ман гўшташа нағз мебинам!!! («А я мясо люблю!!!») — взревел Амон и, под взрыв всеобщего хохота домашних, кинулся расправляться с бараниной.

Заботливое чадо

Бухарский дворик. Фото автора

Один из моих родственников, всю свою жизнь проработавший на высоких и ответственных постах, всегда отличался сдержанностью, серьезным характером и некоторой замкнутостью. Видимо, работа в какой-то мере накладывает свой отпечаток на человека. Не то, чтобы он избегал знакомых и родственников. Нет. Это практически невозможно, живя на Востоке.

Просто, он всегда держался ровно и степенно. В редкие минуты совместного общения, мы старались быть немногословны: сдержано и учтиво перекинувшись традиционным приветствием, которое включает в себя рад обязательных вопросов-ответов («как здоровье, как дела, как дети?» и т.д.), мы оставляли его в покое, тактично переводя тему разговора в иное русло и переключаясь на кого-либо другого. Поскольку понимали, что мысли его постоянно заняты работой, а потому мы с должным почтением и уважением относились как к нему самому, так и к его статусу.

Являясь многодетным отцом семейства, над ним ещё, помимо всего прочего, постоянно довлела забота о семье и детях. А детей было аж целых семеро, самому маленькому из которых на тот момент едва перевалило за три годика. И надо отметить, что этот последний, не в пример отцу был очень шустрым и озорным мальчишкой.

Вообще, следует отметить, что уникальный дар был в той или иной степени присущ каждому из детей этой семьи. Достаточно вспомнить эпизод, произошедший с одной из сестер упомянутого малыша.

Воспитывалась она под присмотром няньки — старой одноглазой бабушки, — которая всячески старалась привить ребенку добродетели, проповедуемые в исламе. Как-то раз, будучи в четырехлетнем возрасте, девочка оступилась, нечаянно, при этом, наступив на кусочек черствой лепешки, за что тут же получила нагоняй:

— Нона пашкардан ўбол — кўр меши! («Наступать на хлеб — величайший грех: можешь ослепнуть!») — назидательно начала, было, отчитывать строгая няня, на что сообразительный ребенок вдруг «догадался» уточнить:

— Бибижон, шумо вахташба нона пашкардед ми? («Бабуль, так ты что — в детстве на хлеб наступила?»)

Остолбнев, бабуля ещё долгое время, не могла прийти в себя, беспомощно моргая единственным глазом.

Возвратимся к её братику.

В то ранее утро он, накормленный и довольный сидя в углу комнаты, с любопытством разглядывал домашних, спешивших кто куда: одни в школу, другие на работу. По привычке, обе его руки находились в трусиках, проверяя на всякий случай — в порядке ли там «мужское хозяйство».

Отец также собирался на работу, а потому сев за дастархан, собрался позавтракать на скорую руку яйцами всмятку. Благо, они держали во дворе собственный курятник и чего-чего, но яйца никогда в этом доме не переводились. Однако, на сей раз, быстро пробежавшись по скатерти глазами и не найдя искомого продукта, глава семейства поднял густые мохнатые брови и вопросительно уставился на свою половинку.

— Мебахшед, дадачон! Тухум имрўз тамом шуд. («Простите, папочка! Но яйца сегодня закончились») — виновато произнесла моя тётя.

Дядя тяжело вздохнул и стал медленно соображать — чем бы перекусить. Было видно, что он очень расстроен.

Вдруг, молчащий до сего момента в своем углу отпрыск, воскликнул:

— Дадачон, тухум мехурет ми? («Папочка, не хотите ли яиц?»)

— Ха, кани?! («Да, где?!») — встрепенулся отец, с надеждой уставившись на сына. Против обыкновения, лицо его засияло от радости, а уголки опущенных губ, медленно поползли вверх.

— Ана! («Вот!» — показал малыш, стянув с себя трусы и ловко перебирая маленькими ручонками между ног. — Ана, дутта тухумча! («Вот, целых два яичка!»).

Немая сцена длилась всего пару секунд, после чего всё семейство раскинулось по полу, схватившись за свои животы. Все, кроме главного родителя, которому по статусу неприлично было валяться вместе со всеми...

Славик

Слава и я в гостях у Дамира. Бухара, 1976 г. Фото из личного архива автора.

«Наиболее крепко я подружился с Рахматуллиным Дамиром и Ким Славой. Когда в расписаниях появлялись „окна“, мы по очереди приглашали друг друга к себе домой, устраивая импровизированный обед. У Славика я с удовольствием поглощал в больших количествах различные корейские салаты, к которым до их пор не могу относиться равнодушно, ну а у Дамира дома я себя чувствовал словно в раю. Потому, что уже заранее предвкушал встречу с милой и добродушной тетей-Розой — мамой моего друга — которая, неизменно, помимо всевозможных сладостей, потчевала нас ароматнейшими и сочными татарскими беляшами, которые называются „перемеч“ или ещё по-другому, „аузу-ачик“ („открытый рот“).»

(Отрывок из «Gaudeamus igitur»)

Славы нет рядом с нами уже давно, лет 5 наверное, а может быть и того больше. А мне до сих пор в это не верится. Не может быть, чтобы вчерашнего твоего однокурсника, которого ты знал как веселого и жизнерадостного молодого человека, с неповторимым смехом и мягким характером, вдруг — не стало. То есть, ну совсем-совсем не стало! Ни его добродушного лица, ни его мягких подначек и приколов, ни его — заразительного смеха...

Что же осталось? Говорят — память. Вот и я, покопавшись в своём «хурджине», обнаружил всего лишь три маленькие миниатюры, проливающие небольшой лучик света и позволяющие составить читателю образ моего студенческого товарища.

Дебри медицины

Иваново, 1976 год, студенческий стройотряд. Сидим в вагончике и обсуждаем за медицину.

За каждым отрядом прикреплен специальный доктор. Чаще всего, из числа своих, таких же молодых студентов.

Наш, по приезду в Россию, почему-то, превратился в «Сашу». Типичный узбек, не очень хорошо изъясняющийся по-русски, но очень любящий порассуждать на отвлеченные философские темы. Наверное, скорее всего, какой ни будь, Садриддин. К слову: Славик — кореец, Дамир — татарин и я — таджик. Советская дружба народов.

Спор начался из-за пустяка: что-то, вроде, о болезнях при неправильном питании.

Мы с Дамиром уже давно умолкли, а неугомонный Славик, предпочитающий во всём яжность и упрямый доктор продолжают словесный поединок.

— Если ты такой умный, скажи — что предписано давать больному при поносе? — хвастливо пытается блеснуть своими познаниями «Саша».

— Ну, предположим, не при поносе, а — диарее... — не без сарказма, язвительно поправляет врача Славик. — Кажется, так вас там учат говорить, в мединституте?

— Э-э, Славик, — устало машет рукой будущий медик, как бы подводя черту и показывая всем видом, что бесполезно спорить на эту тему с далекими от медицины людьми. — Да ты хоть, знаешь, дорогой мой, что медицина — это «темный лес»?

— Ну и не х@я, в таком случае, туда входить! — окончательно ставит точку наш сокурсник.

Корейский счёт

Желая польстить своему товарищу (корейцу по национальности), решил похвастаться, выучившись предварительно у одной знакомой корейскому счёту:

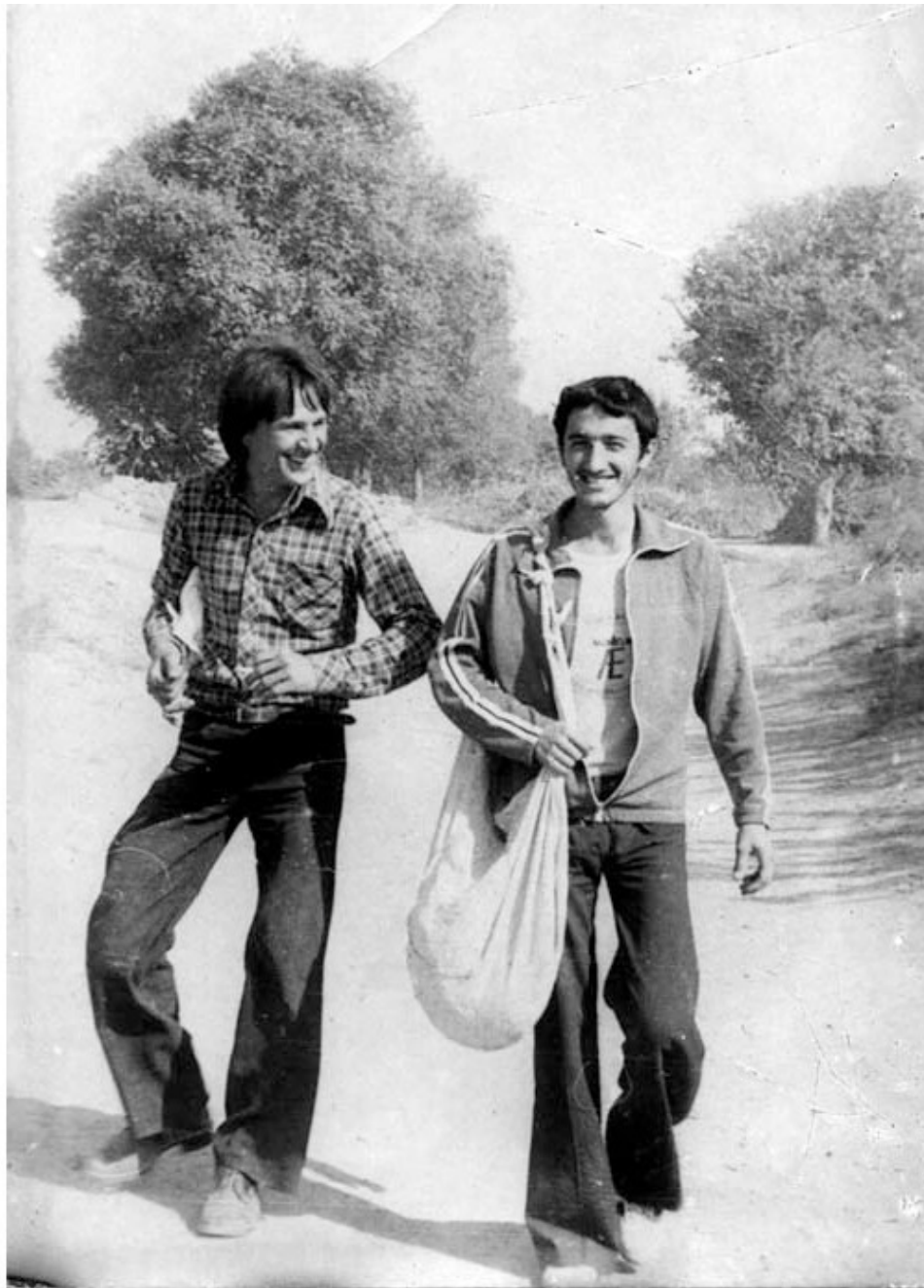
— Славик, хочешь я тебе, без запинки сосчитаю от одного до десяти?

И, не давая ему опомниться, скороговоркой выпаливаю:

— Хана, тури, сой, ной, тас, ясы, ирку, яды, аху, ер. Ну, как?

— А@уел...

Кроксворд-регбус

С другом Дамиром на «хлопке». 1975 г. Фото из личного архива автора

Одними из довольно непростых, считались кроссворды, публиковавшиеся в известном в советские годы журнале «Огонек».

Именно на него упал взгляд Славика, когда мы, будучи в очередной раз в гостях у Дамира, отобедав, решили скоротать время, до очередной пары занятий в институте.

Набросив на себя маску безразличия, я как бы нехотя придвинулся с противоположного края дивана поближе к Славе. Дамир же, остался сидеть в кресле, расположившись напротив

нас, за журнальным столиком. Он взял в руки журнал «Наука и техника» и уйдя в него с головой, вяло участвовал в общем процессе разгадывания.

Быстро раскусив самые легкие вопросы, мы вновь возвратились к началу и, поднатужив молодые мозги, решительно настроились — восполнить пробелы, которых оставалось немало.

— Та-ак... — медленно протянул Славик, сверля тупым концом шариковой ручки свой затылок, — часть народа, живущего вне страны его происхождения.

— Диаспора — донесся до нас голос Дамира, молчавшего до сей поры и почти не принимавшего активного участия.

— Точно! — заерзал на диване Слава, а я с завистью бросил короткий взгляд в сторону товарища.

— Едем дальше — продолжил Слава, быстро вписав найденное слово. — В древнегреческой мифологии — старшая из девяти муз, покровительница эпоса.

— Мельпомена... Терпсихора... — выпалил я то, что знал.

— Не-е, — протянул Слава, — здесь покороче.

— Каисса! — послал я вдогонку, но тут же вспомнил, что она является покровительницей шахмат.

— Каллиопа? — неуверенно произнес со своего места Дамир.

— Совершенно верно! — воскликнул Слава и мы взглянули на друга с уважением. — Следующий вопрос — 24-й по горизонтали: сплавы алюминия с магнием, обладающие высокой коррозионной стойкостью...

— Хрен его знает, давай дальше — не удержавшись, перебил я товарища, не дав ему закончить, но Дамир остановил нас.

— Куда спешим? Давайте подумаем. И, буквально через секунду-другую: — «Магналии», подходит?

— Подходит — с удивлением произнес Слава. — Ни фиги себе, какие слова ты знаешь... Дальше, пункт 32 по вертикали: процесс накопления и окончательного осаждения осадков в водной среде.

— Может быть, «седиментогенез»? — со слабой надеждой в голосе промолвил Дамир, словно стыдясь перед нами за свою эрудицию. И вновь уткнулся головой в свой журнал.

Мы со Славиком переглянулись и тупо уставились в кроссворд: слово подходило. Причем сходились слова и по горизонтали.

— Группа непарнокопытных млекопитающих, внешне напоминающих лошадей — произнес мой товарищ и мы торжествующе уставились на великого всезнайку.

— А сколько слов? — на всякий случай поинтересовался Дамир.

— Много! — злорадно вставил я, будучи совершенно уверенным, что на этот вопрос никто из нас ответа не знает.

— Я слышал, что есть какие-то халикотерии — еле слышно пролепетал Дамир, на что в ответ у Славика вырвалось:

— Блин, точно — подходит!!

— Ты чего сегодня жрал? — вежливо поинтересовался я у товарища.

— Просто, везет... — друг стыдливо потупил свой взор.

— Остался последний вопрос! Неужели мы отгадаем весь кроссворд?! — воскликнул Слава и продолжил: — Род подводных растений семейства водокрасовых.

— Валлиснерия! — успел выкрикнуть Дамир и, закрыв лицо журналом, затрясся в едва сдерживающимся приступе смеха.

Наконец-то, до меня дошло: я подскочил и резко выдернул из его рук журнал «Наука и техника», вслед за которым на пол упал свежий номер журнала «Огонек», с ответами на разгадываемый нами кроссворд.

Гусейн Гуслия

«ХлОпок» — самая лучшая студенческая пора. 1976 г. Фото из личного архива автора

Советская эпоха была примечательна не только съездами, «пятилетками в четыре года» и бессовестной пропагандой, но и своими многочисленными кампаниями, которые постепенно, по мере приближения к «коммунизму», приобретали статус постоянных, являясь неотъемлемой частью существующего строя. Будь это, «коммунистические субботники» или «освоение целины», «помощь в уборке урожая картофеля» или «строительные отряды», снаряжавшиеся для отправки на «стройку века» — БАМ (Байкало-Амурская Магистраль). Без них невозможно было представить жизнь простого советского человека, который начиная со школьной скамьи, проходил несколько стадий «посвящения».

И уже в студенческие годы большинство из нас, наконец, полностью прозрев и приняв «правила игры», установленные сверху, с юношеским задором и энтузиазмом восторженно встречало каждое последующее Постановление Партии и правительства. Так, очередную «хлопковую кампанию» мы ждали с нетерпением и искренней радостью, строя свои планы, ничего общего не имеющие с планами ЦК КПСС. Мы были молоды, красивы и уверены в себе. Это была прекрасная пора, когда живешь беззаботной студенческой жизнью и не заглядываешь в будущее дальше предстоящего семестра.

Едва, проучившись неделю, в начале сентября объявлялась «хлопковая кампания». А это означало:

— прекращение лекций и всякой учебы;

— как минимум — трехмесячная «командировка» в колхоз, где мы, по идее, должны помочь колхозникам собрать урожай «белого золота», как тогда любили называть хлопок в телевизионных репортажах;

— всевозможные приключения, танцы по вечерам, под катушечный магнитофон, романтические знакомства, студенческие приколы и бесконечный юмор.

Словом, — это было по душе.

Единственное, что несколько омрачало, это — макароны. Они неизменно входили в ежедневный рацион несчастного студента и избежать их можно было только одним способом — объявить голодовку. Однако решиться на эту крайность, почему-то, никому не приходило в голову. Макароны нам снились по ночам как кошмарные привидения, изменяя свой облик и превращаясь в ужасные чудовища. Они неизменно возникали перед нашими глазами и в обед и на ужин.

Величайшим верхом тупости и бестактности считалось, если кто-либо нечаянно забывшись, задавал вопрос: «А что будет завтра на обед?».

Стаж студента хлопкоуборочной кампании исчислялся километрами накрученных макарон. Этот «километраж» ценился более всего и являлся пропуском на любую «тусовку». Правда, тогда ещё такого термина не существовало...

Учился на нашем курсе мой однофамилец — Саидов Ахтам — старше нас по возрасту года на три — четыре.

После очередного «макаронного» ужина сделалось ему как-то нехорошо: забурлило что-то там, внутри и выгнало срочно на улицу. А поскольку, специально для студентов туалетов никто не строил, то — простите — сортиром нам служили бескрайние хлопковые поля. Выбирай любую грядку и — сиди себе на здоровье. От постороннего взгляда тебя укрывают низкорослые кусты хлопчатника, а высоко над тобою — глубокое южное небо, на котором нежно переливаются жемчужины-звезды, пугая и одновременно маня к себе своим загадочным и таинственным мерцанием. Благодать! Все располагает к умиротворенному созерцанию и философским размышлениям.

Если же, конечно, тебя никто не беспокоит.

Ахтаму в тот вечер не повезло: именно в это самое время, известный на весь факультет своими глубокими астрономическими познаниями и досконально изучивший все 88 созвездий северного полушария астроном-самоучка Голиб, вывел в чистое поле внушительную часть женского электората на экскурсию по звездному небу.

То ли звезды в этот вечер расположились не так, то ли Ахтам не совсем удачно выбрал место, сказать трудно. Одним словом, маршрут лекции в точности совпадал в этот вечер с траекторией перебежек моего товарища.

Я же, увлеченно пересказывая трогательную историю спасения Персеем Андромеды, понятное дело, даже не удосужился прислушаться к шуршащим впереди меня кустам хлопчатника. Переходя от одного созвездия к другому, я неотступно, грядка за грядкой, преследовал своего несчастного сокурсника. Мои благодарные слушатели, вместе со мною, витали на седьмом небе.

Только однажды, когда мы подобралась к истории охотника Ориона, нацелившего свою дубину в правый глаз «быка» — звезду Альдебаран, до нашего уха явственно донесся едва уловимый стон, но, поскольку все были буквально заморожены рассказываемой легендой, то по вполне понятным причинам, отнесли сей стон на счет приготовившегося умереть быка.

Истории про мать Андромеды — созвездие Кассиопеи, про Плеяды и Волосы Вероники слушались уже в полной тишине.

По окончании экскурсии, когда мы возвратились обратно в свой лагерь, меня встретил такой громкий хохот в нашей комнате, что стены хрупкого глинобитного сооружения, служившего нам спальней, казалось, не выдержат и рухнут.

За несколько мгновений до моего прихода сюда ворвался крайне недовольный и злой Ахтам, который и рассказал о случившемся. Обычно, всегда сохраняющий невозмутимое спокойствие, на сей раз, он был крайне взволнован произошедшим, и только периодически вполголоса повторял про себя: «Нет, ну надо же: ё@анный «звездочет»! Прямо-таки, Гусейн Гуслия...

Шамиль

Турецкие хинкали. Фото автора

— Он мне сказал: «Такую личную неприязнь я испытываю к потерпевшему, даже кушать не могу»... — Кто он такой, этот потерпевший? Куда он пошел? Я его в первый раз вижу! (из к-ф «Мимино»)

Шамиль приехал поступать в бухарский госпединститут из своего родного села Михайловское, что было расположено под Ташкентом. Это было одно из тех немногих сел, в котором компактно проживали турки-месхетинцы.

Симпатичный, с густыми бровями и темно-карими выразительными глазами, он, можно сказать, был буквально оторван от сохи и отправлен в Бухару: грызть гранит науки и покорять городскую жизнь, очаровывая своим огромным колоритным носом и чувственным ртом местных красавиц.

Крепко сбитое атлетическое телосложение заметно скрашивало и оттеняло его незначительный — ниже среднего — рост.

Как и многие свои сородичи, Шамиль страстно увлекался борьбой — этим самым пространственным и обожествляемым, среди турок, видом спорта. И в этом не было ничего удивительного: сила, ловкость и мужество, наряду с честностью и трудолюбием, являлись одними из главных качеств, прививаемых с детства практически в любой турецкой семье.

И, всё же, главной отличительной особенностью, несомненно, были его глаза. С длинными густыми ресницами.

Его наивно-вопрошающий взгляд, с большими овечьими глазами, всегда имел несколько печальный и грустноватый оттенок, обладая удивительной способностью — притягивать к себе и заставляя собеседника проникнуться жалостью и состраданием. При этом, нельзя сказать, что такие качества, как лукавство и хитрость были ему неведомы. Однако они лежали на поверхности, как у ребенка, и угадывались невооруженным взглядом. Впрочем, о своих достоинствах Шамиль и сам был прекрасно осведомлен, что являлось, порой, одним из главных и действенных видов «оружия», когда возникала острая необходимость растрогать и расположить к себе оппонента.

Достаточно сносно изъясняясь по-русски, его речь, тем не менее, отличалась заметным кавказским акцентом и изобиловала целым рядом курьезных оборотов и уникальных выражений, что вполне органично сочеталось с его оригинальной внешностью.

Как и всякому мужчине, имевшему южные корни, ему была свойственна повышенная импульсивность и чрезмерная возбужденность. Его эмоциональную речь невозможно было воспринимать без улыбки.

— Чара мы ходили в кино: такой фильм, такой фильм! — округлив свои и без того огромные глаза, захлёбывался он, при очередной встрече.

— Когда? — наивно, уточнял я.

— Чара! — пояснял Шамиль, не улавливая в моём вопросе никакого подвоха.

За короткое время весь наш курс проникся искренней симпатией к симпатичному пареньку с наивными глазами и добрым сердцем, приехавшему из сельской глубинки. Очень скоро и естественно у нас образовался довольно узкий и устойчивый круг близких друзей, состоящий из представителей совершенно различных национальностей: татарин, кореец, турок и таджик.

Избирательная память сохранила сцены частых посиделок, устраиваемых нами в комнате нашего друга, в студенческом общежитии, где мы нередко оставались на ночь, тесня гостеприимного хозяина и его доброжелательных соседей.

Излюбленной темой наших бесед, как правило, являлся противоположный пол. Очень часто, мирные дискуссии незаметно перерастали в жаркие споры с выяснением отношений, выразительной жестикуляцией и всплеском эмоций.

В такие моменты, возбужденность моего товарища достигала апогея, являя собой исключительное и забавное зрелище.

— Глянусь тебе, Галиб! — страшно выпучив свои огромные глазища, неистово колотил себя в грудь Шамиль. — Глянусь мамой: я никогда этого не говорил!

— Не верю! — не соглашался я лишь для того, чтобы вновь насладиться этой «пестней».

— Глянусь, слышишь! Чем хочешь, глянусь!

С трудом сдерживая смех, я ещё некоторое время пытался добиться истины, однако, очень скоро махнув на всё рукой, откровенно наслаждался фейерверком эмоций и каскадом неподражаемых оборотов речи.

Поначалу, Шамиль наравне со всеми нами мог смеяться над собственными огрехами. И вообще, поначалу он был прост, открыт и оттого естественен. Со временем же, внезапно предоставленная «свобода» и вольная студенческая жизнь сумеют порядком подпортить его гены. Соблазны городской жизни и страстное желание избавиться от комплекса, заставят его сблизиться с сомнительными личностями, сыгравшими в его жизни далеко не положительную роль. Но это будет значительно позже, а пока...

Пока мы втроем отправились на каникулы в гости к Шамилю, в село Михайловское.

Эта поездка позволит мне не только поближе познакомиться с его семьей, но и заставит полюбить этот маленький, но гордый и трудолюбивый народ.

Помню, что всю дорогу мы прикалывались над своим товарищем, предвкушая предстоящий отдых.

— А как нам называть тебя перед твоими родными? И вообще, как твое полное имя? — волнуясь, расспрашивали мы его.

— Шамиль Кятиб Оглы. — гордо произнес наш друг. — То есть, Шамиль сын Кятиба.

— А можно, мы тебя будем звать «по-нашему», ну как на курсе — «простачок»?

— Ну и скажешь же, ты... — соорудил обиженное лицо товарищ и все весело заржали...

Больше всего, мне запомнился его дедушка. Ему было уже немало лет, но выглядел он бодро и весело, изредка подначивая Шамиля своими колкими репликами, полными иронии и сарказма. И тем не менее, чувствовалось, что он горд за своих внуков, которые отправились в далекую Бухару получать диплом и высшее образование. Было видно, что к науке здесь относятся, не менее уважительно, чем к борьбе.

Как я и предполагал, его родители также оказались очень скромными тружениками, с утра до позднего вечера занятые по хозяйству.

Мать — добродушная и милая пожилая женщина — постоянно что-то готовила на кухне: она также не скрывала своей радости и от души старалась угодить своей стряпней гостям — друзьям своего младшего сына.

Отец — загорелый и жилистый мужичок, небольшого роста — ни на минуту не находился без дела: то он орудовал кетменем и лопатой, на огромном пространстве своего участка, прокладывая канавки для воды, и перекапывая землю; то его можно было застать на поляне, скашивающим люцерну, для домашней живности; то он чинил какой-то железный агрегат, приспособивая его к нуждам своего хозяйства.

А хозяйство и в самом деле было немалое. Помимо добротно выстроенного большого дома, сада и огорода, на территории их участка находился также курятник, в котором рядом с

многочисленными курами и цыплятами, соседствовал важный индюк. Напротив, располагался широкий просторный хлев, где я запомнил лишь корову и здоровенного быка. Помнится, что меня очень удивили размеры последнего.

— Ну, что ты — это же ещё бычок! — смеясь, просветил меня товарищ. — Ему всего полтора года. Мы его зарежем на свадьбу брата.

Свадьба брата должна была состояться на следующий год. Шавкат был старше Шамиля года на два и уже оканчивал последний курс института.

Вечером того же дня, мы одной большой семьей собрались в огромной комнате, где на полу были разостланы стёганные ватные одеяла, а посередине, раскинут длинный дастархан, заставленный всевозможной снедью, лепешками и овощами с фруктами. Главным же блюдом на ужин были излюбленные турецкие хинкали.

— Ну-ка, сейчас мы проверим: как вы там учитесь! — лукаво подмигнул нам дедушка, когда перед каждым легло большое блюдо со своеобразными пельменями. — Кто как ест, тот так и учится — подытожил он.

Вскоре выяснилось, что хуже всех академическая наука дается мне. И в самом деле, восхитительное блюдо оказалось на редкость точным барометром. Единственное, что меня смущало, так это то, что у Шамиля выходила круглая «пятерка» — его посудина была вылизана начисто.

Словом, погостили мы славно.

Беда придет очень скоро.

Вначале она постучится в двери дома моего гостеприимного однокурсника, а вскоре затронет и весь этот несчастный народ.

Через год, в самый разгар свадебных торжеств, тот самый бычок насмерть забьёт своими рогами отца моего товарища, когда тот, согласно традиции, попытается зарезать животное. В эту страшную весть мне трудно будет поверить.

А ещё спустя несколько лет, когда наши пути окончательно разойдутся, я узнаю о ферганских событиях и ещё раз вспомню своего студенческого друга. К тому времени, я уже давно буду проживать в Питере, погрязнув в рутине семейных будней.

В 1995 году неожиданный звонок из Воронежа, заставит меня немало поволноваться, когда на том конце провода я услышу до боли знакомый мне говор.

— Это я — Шамиль! Ты помнишь меня?

«Милый мой дуралей» — улыбнулся я про себя. Вслух же, поспешил заверить его:

— Конечно же, помню, дорогой! Как твои дела? Как семья? Где вы живете?

— Все хорошо: нам здесь дали землю и мы потихоньку налаживаем жизнь. Приезжай к нам! Я так хочу тебя увидеть и показать свою семью!

— Обязательно постараюсь! — заверил я его, хотя знал, что вряд ли в ближайшее время такая поездка возможна.

Какая-то непонятная, щемящая душу, тоска сдавила мне в грудь, и я с ужасом для себя вдруг почувствовал, что испытываю вполне определенный стыд перед ним, перед его бабушкой, перед родителями, перед всем его народом. Словно, в произошедших недавно событиях, заставивших несчастный народ вновь покинуть насиженные и обжитые места, была непосредственная моя вина. Ведь, это с территории моей родины прогоняли их.

А он вновь совершенно искренне звал меня к себе в гости. И был рад мне, как тогда, когда впервые приехал поступать в институт.

«Боже мой! — подумал я, опуская телефонную трубку. — Двадцать лет прошло. Двадцать лет! Подумать страшно. А ведь, было, вроде совсем недавно, совсем вчера»...

— Совсем чара... — грустно произнес я вслух.

Короткая историческая справка (Из Википедии)

Турки-месхетинцы (самоназвание тюрк) — тюркоязычный народ, происходящий из грузинской области Месхетия и в настоящее время рассеянный по территории бывшего СССР и, отчасти, Турции.

С 1928 по 1937 годы турок-месхетинцев принуждали указывать себя грузинами и брать грузинские фамилии. С началом Великой Отечественной войны было мобилизовано практически всё взрослое мужское население (более 40 тыс., 26 тыс. из них погибло).

В 1944 году турки-месхетинцы (вместе с курдами, хемшилами), «в связи с тем, что значительная часть населения была связана с жителями приграничных районов Турции родственными отношениями и проявляла эмиграционные настроения, по обвинению в пособничестве врагам, занятиях контрабандой и служению для турецких разведывательных органов источником вербовки шпионских элементов и насаждения бандитских групп», по постановлению ГКО СССР №6279 от 31 июля 1944 г. были принудительно выселены со своих территорий в Грузию в Казахстан, Киргизию и Узбекистан.

Всего было выселено более 90 тыс. человек. В новых местах проживания с ними довольно быстро смешались и небольшие группы турок-османов, выходцев из центральной Турции, живших в Абхазии и Аджарии и выселенных оттуда в Среднюю Азию в 1948—49 годах.

Депортированные турки-месхетинцы были рассредоточены по отдельным посёлкам в различных областях Узбекистана, Казахстана и Киргизии как «спецпоселенцы» (то есть без права изменения места жительства).

В 1956 году с турок-месхетинцев были сняты ограничения по специальному поселению, часть из них стала возвращаться в различные районы Кавказа, в особенности в Кабардино-Балкарию и Северный Кавказ. Но большинство турок-месхетинцев осталось в насиженных местах Средней Азии и Казахстана.

В результате роста этнического напряжения в перенаселенной и обедневшей части Ферганы в июне 1989 года произошёл погром турок-месхетинцев в Ферганской долине Узбекистана. Это вызвало массовую эвакуацию турок-месхетинцев из Узбекистана в Россию, Казахстан и Азербайджан.

Азербайджан принял несколько тысяч месхетинцев, однако, ввиду проблемы с беженцами из Нагорного Карабаха, дальнейшее переселение было приостановлено.

Турция, которую многие турки-месхетинцы рассматривают в качестве настоящей родины, начала программу по приему месхетинских иммигрантов, с заселением их в бедные восточные районы страны с преобладающим курдским населением. Это не соответствовало ожиданиям месхетинцев, которые не стали заселяться на отведенные им территории и расселились, в большинстве своём, в городах Бурса, Игдыр и др. Сейчас в Турции действует специальный закон, облегчающий получение турками-месхетинцами турецкого гражданства.

Значительная группа месхетинцев компактно осела в юго-западных районах Краснодарского края России. Однако, как в силу общей политики местных властей по противодействию иммиграции в этот край, так и в особенности из-за возникшей неприязни именно к месхетинцам, последние испытывают притеснения со стороны районных администраций и негативное отношение местного казачьего населения. В Краснодарском крае налицо социальная проблема на национальной почве.

Месхетинцы в Краснодарском крае обращались к местным властям (на уровне сельского или поселкового советов и района) за пропиской в основном в 1989—1992 гг. Практически все получили отрицательные ответы (в устной форме). Из-за отсутствия прописки (регистрации) месхетинцы не могли получить российские паспорта.

С февраля 2004 года, при содействии правительств России и США, Международная организация по миграции начала программу по переселению турок-месхетинцев из Краснодарского края в США. На сентябрь 2005 года около 21 тысячи лиц подали заявления об участии в программе и 5000 переехали в города Портленд, Филадельфия, Атланта, Ноксвилль, Вокеша, Кент: всего более чем в 60 городов Америки. На данный момент программа приостановлена.

Взгляд вперёд и два — назад, в вечность...

Абитуриент. Бухара, 1974 г. Фото из личного архива автора

Вячеслав Григорьевич Сааков, безусловно, являлся незаурядной личностью. В бухарском госпединституте он читал нам лекции по истории КПСС. Однако, нас — молодых студентов — больше привлекали не истории про родную партию, а сам лектор. Являясь кандидатом исторических наук, он не только в совершенстве владел своим предметом, но и был всесторонне образованным человеком, всегда проявляя искренний интерес к различным областям человеческой деятельности.

О нём ещё при жизни было сложено немало легенд. Одна, из них характеризует его как феноменальной памяти специалиста, способного легко и без запинки воспроизвести по памяти любую страницу из учебника по истории партии. А память у него и впрямь была великолепная: упорно ходили слухи, что он так же, как Македонский и Наполеон, помнил по именам всех своих подопечных.

Как и все неординарные личности, Вячеслав Григорьевич был склонен различного рода чудачествам. К примеру, активной и прилежной в учебе активистке, у которой в зачетной книжки стояли сплошные «отл» («отлично»), он, без особых угрызений совести мог вкатить «удов» («удовлетворительно»). При этом, аргументация его была более, чем убедительная:

— Если Вы полагаете, что моя оценка не справедливая, то мы можем составить новую аттестационную комиссию для повторной сдачи, — часто говаривал он, и добавлял после короткой паузы — только учтите: я тоже приму в ней самое непосредственное и активное участие. Я сам, знаю этот предмет на «четверку»...

И наоборот — какому-нибудь неуспевающему по многим предметам шалопаю, он запросто мог поставить «хор». Следует, при этом, отметить, что благодаря своему размашистому почерку, это его «хор», больше было похоже на «хер».

Или, припоминается ещё один случай, о котором мне поведала сестра, учившаяся на два курса выше меня. Как то, на очередной поточной лекции, Сааков решил задержать своих слушателей, дав им своеобразное задание: каждый обязан был выразить в стихотворной форме своё отношение к нему.

Всем поскорей хотелось выскочить из академических стен на волю, а потому, многие, в юмористической и плаксивой форме стали сочинять банальные строчки, не блещущие оригинальностью и похожие друг на друга. Что-то, вроде следующего:

«Милый дедушка Сааков,
Мы вас любим всей душой.
Пожалейте нас, студентов,
Отпустите всех домой!»

И только одна студентка, возмущенная выходкой преподавателя, написала: «Ещё ни один из великих людей не писал по прихоти какого-то самодура. Я же, не стану делать, тем более, что не принадлежу к их числу...» И поставила свою подпись.

Через пару дней, на очередном занятии по истории, Вячеслава Григорьевича было не узнать: от переполнявшего его гнева, он не находил себе места, метая громы и молнии из под

густых нахмуренных бровей. Его длинный с заметной горбинкой нос ещё более стал похож на хищный клюв орла, готового в любую секунду растерзать свою наглую жертву.

— Нет, я ничего не сделаю этому человеку, — едва сдерживая гнев, процедил он сквозь зубы, огласив на всю аудиторию эту записку, не называя, при этом, автора — более того, он вправе выбрать другого преподавателя для сдачи экзамена. Но... такой... такого... — он с трудом подбирал слова — мне ещё никто не отваживался!

По окончании семестра, эта самая девушка придет на экзамен именно к нему и, благополучно сдав экзамен, получит «хер». Просто, «отл» он почти не ставил никому.

К числу же недостатков (а в советскую эпоху, иначе, как недостатками это не назовёшь), можно было отнести его равнодушие к хорошему армянскому коньяку и к красивым и умным девушкам.

Сам я, являясь далеко не ангелом, бывало, частенько заходил к своему однокурснику в общежитие, где всю бурлила настоящая студенческая жизнь. А потому, несколько раз, и мне доводилось сталкиваться с любвеобильным преподавателем, чуть ли не лоб в лоб, в темных и длинных коридорах институтского городка.

Не сложно догадаться о том, какие лекции там читал наш любимый «историк», но то, что не о Ленине и не о съездах РСДРП, могу ручаться почти стопроцентно.

В одно прекрасное весеннее утро, выйдя на балкон, я нежно потянулся, разминая на солнышке свои косточки и вдруг, чуть не обомлел: прямо напротив меня, в соседнем корпусе, на таком же самом балкончике я увидел своего преподавателя, мило и по-хозяйски, подметающего мусор, и тихо мурлыкавшего что-то себе под нос. Из всей одежды на нем были лишь черные сатиновые трусы.

«Ничто человеческое мне не чуждо», почему-то, пронеслось в моей голове.

Неожиданно наши взгляды встретились, и я не нашел ничего лучшего, как поздороваться с ним, кивнув учителю головой. На что он, высоко подняв над головой веник, торжественно помахал им.

«Смог» — вновь, про себя, подвел я резюме, вспомнив английский анекдот.

А ещё через пару дней, я сидел прямо напротив Саакова, за первым столом, и, внимательно слушая его, пытался вникнуть в сложные перипетии истории, мучительно размышляя о передрягах, в которые влезли большевики.

По окончании лекции, Вячеслав Григорьевич стал вызывать студентов к доске, дабы проверить, как было усвоено предыдущее занятие. В числе прочих, он назвал и мою фамилию.

— Я не готов — пришлось сознаться мне.

Сааков собрал в один грозный пучок свои мохнатые брови и, пристально уставившись в меня, строго спросил:

— Гулял?!

— Да... — выдавил я с трудом, низко опустив глаза в пол.

— Та-ак, понятно — протянул он — что ж, давайте свою зачётку, молодой человек.

Мне не оставалось ничего другого, как протянуть ему свою студенческую книжицу. Когда же, по окончании пары, я раскрыл её, моему взору предстал знакомый «китайский иероглиф» — «хер». Странно, но я почему-то, даже не очень был удивлен...

Мне известен диалог, состоявшийся между Сааковым и одним из моих приятелей, во время сдачи одной из сессий:

— Как дела?

— Хорошо.

— Как родители?

— Хорошо.

— Ну, тогда и тебе — «хорошо», давай зачетку...

Нетрудно догадаться, как относилось к нему подавляющее число учащихся.

Впрочем, и недругов у него хватало. Особенно из числа завистливых коллег и так называемых «дельцов от науки», которые в отличие от талантливой коллеги, строили свою карьеру не головой, а деньгами и тесными связями. Из числа последних, было немало тех, кого принято было считать «национальными кадрами», подающими надежду, что, собственно, соответствовало идеологическим соображениям советского времени и позволяло, тем самым, заявить о себе на мировой политической сцене, как о единственно гуманном государстве, на деле заботящимся о процветании народа и пытающимся раскрыть богатый внутренний потенциал, заложенный в человеке.

Помнится, одно время, в институте оказалось вакантным место не то декана, не то — заведующего кафедрой. Ни у кого не было сомнений относительно предполагаемой кандидатуры: все прочили на эту должность Саакова. Однако один из бездарных преподавателей из числа «местных кадров», задался целью, во что бы то ни стало, заполучить это тепленькое местечко. Но — как?

Прекрасно отдавая себе отчет в том, что умом такого крепкого противника не одолеть, этот хваткий пройдоха решил прибегнуть к известному проверенному методу, имевшемуся, во все времена, в арсенале негодяев и деспотов, а именно, к хитрости и коварству.

В один из дней, выведав через своих «доверенных лиц» о том, что Вячеслав Григорьевич уединился со своей очередной пассивой в общежитии, его расторопный оппонент, не теряя ни минуты, собрал внушительную «делегацию», состоявшую из преподавателей и партийных функционеров, и нагрянул с облавой. Естественным результатом этого «рейда» явилось собрание актива, на котором обсуждался моральный облик советского преподавателя и, как след-

ствие, снятие его кандидатуры, с внесением строгого партийного выговора и прочими вытекающими неприятностями.

Сааков стоически перенес этот жестокий удар судьбы, несмотря на то, что это стоило ему здоровья. Тем не менее, он не обозлился ни на жизнь, ни на людей, до конца своих дней оставаясь воистину свободным человеком, с независимым и честным характером.

Мы — его подопечные — тоже довольно сильно переживали за него, проникшись жалостью к своему любимому учителю. Особенно — девушки.

Спустя довольно продолжительное время, с одной из них, которая очень близко знала его, мне довелось кратко побеседовать, вызвав её на некоторую откровенность.

— Что тебе в нем больше всего привлекало? — спросил я её.

— Понимаешь, он был настоящий мужчина — ответила она мне, после короткого размышления — Благородство — вот, пожалуй, его основная черта характера. При всей его внешней показной суровости и агрессивности, в глубине души он, как и многие сильные личности, был очень ранимым и беззащитным человеком. А ещё, он был — честен и прям, и не умел лукавить. А главное — не научился мстить и предавать друзей....

Почему я вдруг вспомнил об этой уникальной и неоднозначной личности? Совсем недавно, перебирая старый архив, я случайно наткнулся на свой диплом. «Господи, — подумалось мне — а ведь, он мне так и не пригодился в жизни, пылясь на дне ящика!»

Я осторожно провел ладонью по синей твердой обложке, пытаясь стереть пыль, как вдруг из него выпал пожелтевший листок, сложенный вчетверо. Аккуратно подняв и бережно раскрыв его, я узнал знакомый размашистый почерк, в конце которого стояло столь знакомое и короткое «хер», взбудоражившее, казалось бы, моё недавнее прошлое, всколыхнувшее и вызвавшее в воображении яркие картинки из калейдоскопа студенческой жизни и заставившее меня вновь потянуться к перу...

Сто метров

Арк. Бухара, 2006 г. Фото автора

Иногда, случайные сценки из жизни, служат довольно убедительным и наглядным примером, подтверждающим неразрывную связь теории с практикой. Нам с Гришей, удалось в этом удостовериться воочию.

Лекции по возрастной физиологии и пластической анатомии проводились в старом здании естфака, расположенном недалеко от Арка — цитадели последних правителей бухарского ханства. Читал нам их профессор Линскис — чрезвычайно язвительный и колкий на язык старик. Впрочем, на «старика» он совсем не «тянул». Несмотря на почтительный возраст, выглядел он вполне импозантно: подтянутый, энергичный и очень мобильный, не взирая на предательски раздавшееся с годами солидное брюшко. Одевался всегда «с иголочки»: скромненько, но со вкусом. Словом, настоящий литовский аристократ.

Студенты уважали и побаивались его. И было за — что. Милый, общительный и добродушный с виду, он обладал воистину дьявольским оружием — острым и разящим наповал язычком. Не язык, а — настоящее жало! Ко всему прочему, он в совершенстве владел актерским мастерством, а потому, свою «жертву» он умерщвлял не сразу (какой же, в этом интерес?), а исподволь, не торопясь, вначале «маринуя» до такого состояния, пока «приговоренный» сам не станет умолять о скорейшем приведении приговора в исполнение. Как говорится, «Шекспир отдыхает»...

Он на дух не выносил пьяных мужчин и... жующих жвачку женщин. Поймав за подобным занятием одну из наших сокурсниц, он стал со свойственным ему садистским наслаждением, развивать тему мимики, на примере конкретной студентки, проводя параллели с животным миром и наглядно демонстрируя — к чему это приводит:

— Вы когда-нибудь обращали внимание на жующих в поле коров? — обращался он к покрасневшей от стыда девушке. — И задавались ли вопросом: «почему у них отсутствует мимика»?

И тут же, гениальнейшим образом перевоплотившись в корову, изображал, как она жуёт: монотонно, с безразлично-отсутствующим взглядом. Действовало ошеломляюще.

Проблема пьянства, похоже, волновала рафинированного аристократа ничуть не меньше. И это было тем удивительнее, что встретить на Востоке пьяного человека, явление, скажем, не совсем обычное. Во всяком случае, в пору нашей молодости.

— В чем существенное отличие человека от животного? — обращался к аудитории профессор, и тут же, не дожидаясь ответа, пояснял. — В том, что человек наделен РА-ЗУ-МОМ! А что делает алкоголь с клеточками мозга? Правильно: разрушает их, приводя, в конечном счете, гомо-сапиенса к скотскому состоянию!

Мы с Гришей невольно съёжились и передёрнули плечами: как раз сегодня, после «пары», у нас была назначена встреча с друзьями, где мы намеревались оттянуться, что называется, «по полной».

— Красиво, а главное — доходчиво излагает, собака... — прошептал мне приятель, сосредоточенно и серьёзно глядя на профессора, в совершенстве изучив скверный и коварный нрав старикана.

В ответ, я ограничился коротким, но чувствительным пинком под столом, давая понять, что сейчас не до шуток: уж, больно мало приглядной выглядела перспектива, попасть под профессорский прицел, с вытекающими неприятными последствиями. К счастью, лекция вскоре подошла к концу и мы с приятелем одними из первых рванули из стен «альма-матер» на свежий воздух. Погода стояла отличная, настроение приподнятое, в предвкушении предстоящего застолья. Глянув на часы, мы поняли, что нужно спешить: ребята нас ждать не будут...

Не доходя метров пятьдесят до автобусной остановки, совершенно неожиданно наткнулся на забавную редкую «картинку»: на обочине тротуара, в зарослях кустарника, безжизненно валяется пьяный «в стельку» мужичок. Над ним склонился его собутыльник и, раскачиваясь из стороны в сторону, напряженно соображает — как помочь своему приятелю.

— О, смотри: наглядный экспонат от Линскиса в действии! — толкаю я в бок товарища.

Гриша расплывается в улыбке, усмехаясь себе под усы. В это время, стоящий на ногах мужик, поднимает свою голову и, завидев нас, машет рукой, медленно выбираясь на тротуар.

— Брат, дорогой! — обращается он к Грише, прижав правую руку к груди. — Прости, пожалуйста... будь другом... помоги поставить на ноги товарища!

В другой ситуации, мой друг охотно бы послал его куда подальше. Однако, врожденная отзывчивость, чуткость и сострадание заставляют его замедлить шаги и остановиться. На Востоке не принято напиваться, а уж тем более — валяться «трупом». Подобное зрелище осуждается всеми и является непростительным позором! Вероятно, войдя в положение слёзно умоляющего мужика, который ни за что на свете не бросит своего товарища одного, Григорий проникается мужской солидарностью, смягчается и, подойдя к бесчувственному телу, пытается приподнять последнего. В ответ, тот чего-то мычит невнятное, плюется и недовольно размахивает руками. Его приятель, ловит одну руку и закидывает её себе за шею. После чего, пытается подняться вместе с другом. Я тоже осторожно пристраиваюсь сзади, стараясь принять в этом благородном деле активное участие. Наконец, нам удается установить тело вертикально, мы отряхиваем свои руки, собираясь поскорей покинуть эту «сладкую парочку». Но, не тут-то было...

— Друг! Братан!! — вновь умоляюще обращается тот самый мужик и смотрит на Гришу, как на спасителя. — Не бросай! Я тебя прошу! Мне его не донести...

— Ты же просил меня только помочь поднять его?! — удивляется Григорий. — И потом: мы очень торопимся...

— Друг!!! — отчаянно вкладывает в это короткое слово всю свою душу и сердце бедный алкаш, и, махнув рукой перед собой, показывает. — Братка! Вот... только пару шагов... совсем близко...

Короткая внутренняя борьба сменяется жалостью к несчастной паре. Глубоко вздохнув, Гриша покорно подставляет свою шею, брезгливо косясь на грязную «ношу», от которой исходит омерзительный смрад перегара и мочи. Мой товарищ вбирает в легкие как можно больше воздуха, задерживает своё дыхание, и «святая троица» начинает свое неторопливое шествие. Я плетусь сзади, изредка вскидывая вперед свои руки и делая вид, что помогаю. Периодически, Григорий, тяжело выдыхая и поправляя на переносице свои очки, тактично интересуется у «ведомого»:

— Ну, что — пришли?

На что, ушлый мужик, всякий раз, коротко заверяет:

— Всё... почти пришли! Вот... ещё немного... чуть-чуть...

Незаметно, мы оказываемся почти у самой остановки. Терпение моего товарища иссякает, и он раздраженно осведомляется снова:

— Ну, теперь — всё?!

— Вот-вот... — продолжает гундозить себе под нос мужик, глядя перед собой и не обращая внимания на нас. — Сейчас уже придем...

— Так! — не выдерживает более такого издевательства мой приятель и окончательно останавливается. — Мы уже не десять метров, а пять раз по десять прошли! Ты можешь показать конкретно — до какого места?!!

Мужичок же, похоже, крепко уверовав, что удачно загипнотизировал моего друга, продолжает читать свои «мантры»:

— Вот... уже пришли... совсем чуть-чуть осталось... сто метров...

— Что-о?! — вскипает Гриша так, что запотевшие стекла очков чуть ли не трескаются.
— Да пошли вы на х...!!!

Он с силой сбрасывает с себя тяжелую обузу и, не слушая дальнейших бормотаний несчастного, решительно направляется к остановке. С трудом сдерживая себя от невыносимых колик, я беззвучно трясусь от смеха, прячась за спину приятеля. Мы уже и в самом деле здорово опаздываем, так что приходится срочно ловить «тачку».

Всю дорогу Григорий не может скрыть своего возмущения наглостью какого-то «оборванца». Неожиданно, наши взгляды пересекаются и мы, не удержавшись, заходимся в приступе дикого смеха. Однако, чувство обиды и накопившаяся злость, периодически вновь заслоняют всё остальное, и тогда Григорий яростно сжимает кулаки, постукивая ими друг о дружку. В такие минуты, я деликатно отворачиваюсь к окну, любуюсь проплывающим мимо пейзажем.

Вскоре, мы въезжаем на территорию студенческого городка и начинаем петлять между однотипными студенческими корпусами.

— Куда, теперь? — осведомляется таксист.

— Направо! — подсказывает Гриша. — А здесь — налево. Теперь прямо... А тут снова направо...

— Всё? — раздраженно уточняет водитель.

— Нет, ещё немного — встречаю я. — Чуть-чуть осталось... сто метров.

После чего, салон автомобиля вновь взрывается сумасшедшим хохотом.

Отмороженный

Встреча однокурсников: Гриша и я. Бухара, 2017 г. Фото автора

На днях, когда я, сидя, как обычно, за компьютером, работал над очередной статьей, неожиданно глухо затрещал домашний телефон. Я удивленно уставился на аппарат, как на некий странный и давно сгинувший в прошлое реликт первобытной эпохи: с тех пор, как в моду прочно вошли «мобильники», последний раз он звонил, наверное, в советские времена.

Однако вскоре, придя в себя, я поднял трубку и на другом конце провода услышал до боли знакомый голос:

— Здравствуйте, извините, можно попросить к телефону Голиба?

— Гриша! — радостно выкрикнул я в трубку, вспомнив, наконец, своего товарища по студенческой жизни.

— Узнал, скотина... — разочарованно произнес приятель — а я собрался, было, тебя подколоть.

Я улыбнулся. В сознании мгновенно всплыли яркие и безоблачные картинки из нашего, казалось бы, совсем недавнего прошлого, когда не проходило и дня без того, чтобы не подшутить над кем-либо из сокурсников, не поприкалываться друг над другом.

В этом отношении, мы с Гришей, на курсе, были своего рода Тарапунькой и Штепселем (или, как — чуть позже — Карцевым и Ильченко): он — высокий, худощавый и светловолосый, с озорными и хитроватыми, вечно смеющимися глазами, и я — чуть ниже среднего роста, смуглый брюнет, постоянно ищущий себе приключения на одно место.

— Ты где? В Питере?! — стало доходить до меня постепенно.

— Да! — окончательно рассеял мои сомнения друг — Уже, с полчаса, как из «Пулково»...

— Где ты остановился? У кого? Какой район? — забросал я его вопросами, чувствуя, как из недр моего существа просыпается нечто давно уснувшее и в то же время, такое радостное, волнующее и щемящее душу чувство, словно я ждал этого момента всю жизнь.

— Проспект какого-то Славы...

— Дурак, — совершенно естественно вылетело из меня по привычке, как будто мы и не расставались никогда — не «какого-то», а просто — Славы! — крикнул я в трубку и, желая напомнить ему о наших студенческих подколах, назидательно просветил — Ты что, забыл, что приехал в город-герой, в «колыбель Революции»?

— В «могилу Революции»! — поправил меня Гриша и громко расхохотался своим зычным и неподражаемым смехом.

Рот автоматом растянулся в улыбке, потому, что именно в этот момент мой взгляд уперся прямо перед собой, на стенку, где висела фотография времен студенчества. На ней был изображен эпизод из хлопковой кампании, где мы с Гришей и Дамиром устроились на арбе, а в качестве несчастного ишака, запряжен наш четвертый товарищ.

— Короче, ты в «Купчино»... — попытался я уточнить, однако приятель меня перебил:

— Короче: я приехал сюда для того, чтобы пригласить тебя на свадьбу — и тут же пояснил — Понимаешь, у меня тут сын проживает... с девушкой. В общем, на днях они приняли решение официально зарегистрироваться и сыграть свадьбу. Поэтому, мы с Зоей здесь.

— Вот это, да! Поздравляю!

— Поздравлять будешь через три дня, на свадьбе, понял?

— Гриш, я не знаю... честное слово... — замялся я, мгновенно прикинув, что это событие попадает на середину моей рабочей недели, а потому, меня вряд-ли отпустят с работы. — Я бы с удовольствием, но у меня нету сменщика... я один...

— Ничего, я найду вам повара — огорошил меня друг — Не желаю ничего знать: если ты не придешь, обижусь до конца жизни!

— Гришенька, милый! — взмолился я — Я, конечно-же, постараюсь, но мы с тобой по любому встретимся и посидим у меня, за мантами с водочкой.

— Хорошо — смиростивился товарищ, с явной досадой в голосе. — Только учти: я не пью — завязал...

— А чего так? Послезавтра будет два дня, как завязал? — попытался я пошутить.

— Нет, я серьезно — возразил приятель. — Видимо, своё уже отпил. Могу только пиво.

— Ну, что ж: пиво, так пиво — примирительно заключил я — Собственно, не это главное...

Ё моё, мне не верится: неужели прошло тридцать два года?! Сказать кому — не поверят... Мы ещё пообщались немного, после чего, обменявшись номерами мобильных, условились назавтра созвониться.

— А сейчас иди спать: всё-таки, второй час ночи — напомнил Гриша, прощаясь. — Да и у меня, после вчерашних проводов в аэропорту... голова трещит.

— Как?! — изумился я — Ты ведь сказал, что бросил?

— Бросил — поспешно согласился приятель — но тут... сам понимаешь...

— Понимаю... — протянул я многозначительно, и мы оба расхохотались.

Ночью я долго не мог заснуть: перед глазами, словно в калейдоскопе, проплывали многочисленные эпизоды из нашей бурной молодости, полные безоглядного озорства и рискованных проделок и шуток, порою, на грани жестокости...

С Гришей меня сближало многое. Причем, не только веселый нрав и похожий характер. Родившись и прожив немало лет в Бухаре, мы оба достаточно прочно усвоили многие традиции и неписанные правила Востока. Стоило нам вместе очутиться на каком-либо серьезном и ответственном мероприятии или общественном месте, как чувство юмора мгновенно сменялось сдержанностью и соблюдением тех норм поведения, что диктовались условиями, соответственно текущему моменту. Бестактность, неуважение к традициям и отсутствие деликатности, проявляемые иногда со стороны некоторых неотесанных болванов, одинаково чувствительно

коробили и возмущали наши ранимые души, вызывая в нас вполне объяснимый гнев и осуждение.

Я хорошо помню, как, на какую-то свадьбу, куда — как правило — принято приглашать конкретных людей (либо — с супругами), один молодой человек приволок за собой целый «хвост» друзей, знакомых и подруг. Хозяева были в шоке, однако, соблюдая известный такт, постарались не подать виду, дабы не расстраивать приглашенного.

— «Отмороженный!» — помнится, гневно, тогда, прошептал Григорий, и я увидел, как зло и осуждающе сверкнули стекла его очков...

«Интересно, — подумалось мне — прошло столько лет, а мы с ним несколько не изменились. Впрочем, с чего это я, так уверенно утверждаю? Голос по телефону — это ещё ничего не значит». Вдруг, я поймал себя на мысли, что меня начинают грызть смутные сомнения, причем, довольно-таки своеобразные по своей сути.

«А что, если Гриша исключительно ради приличия пригласил меня на свадьбу? — вздрогнул я, перевернувшись в кровати. — На Востоке, это привычное дело: хозяева должны настаивать, а гости обязаны отнекиваться и сдерживаться. А я... А что, собственно, я? Я же, ничего ещё не сказал... Нет, конечно я всё понимаю: он искренне... в этом нет никаких сомнений. И, тем не менее... Нехорошо, как-то, наверное, получается... Мне ведь, ни разу не приходилось встречаться ни с его сыном, ни — тем более — с неизвестной мне невесткой. Боже мой! Ведь, там будут совершенно незнакомые мне люди! Удобно ли?»

С раздражением я перевернулся на другой бок и закричал.

«Ну вот: наверное, вот так и подкрадывается к человеку старость...» — словно в бреду пронеслись в голове последние мысли перед тем, как я окончательно отключился.

Наутро меня разбудил звонок «мобильника». Звонил, как я и предполагал, Гриша.

— Ну, что, старый пердун, ты договорился на работе со своей хозяйкой? — грозно осведомился он.

— Понимаешь, Гриша, я... у меня... скорее всего, ничего не получится — с трудом, пролепетал я, заплетающим языком — Я, конечно же, попробую её уговорить...

— Слухай меня сюда! — грубо перебил Гриня — Я прилетел сюда за тысячи километров в надежде, что увижусь с тобой, что мы вместе погуляем на свадьбе моего сына, что — поделишь нашу общую радость... А ты, тут, плетешь такое... Я тебя совершенно не узнаю! — и вдруг, сменив гнев на милость, неожиданно заговорил со мной так сердечно и доверительно, что я вновь перенесся в те далекие и близкие студенческие годы. — Дорогой! Я так по тебе соскучился! Так хочется пообщаться... наконец, обнять тебя крепко... Ну, хочешь, я переговорю с твоим руководством?

От былых ночных сомнений не осталось и следа. Мне сделалось стыдно перед своим другом.

— Не надо, Гриша: я сам обо всём договорюсь. Во всяком случае, приложу все усилия. Поверь!

Хозяйка на удивление легко согласилась дать мне отгул, отчего она сразу сделалась в моих глазах ещё более красивой и привлекательней.

Оставалось лишь, приобрести свадебный подарок и, на всякий случай, приготовить речь. Настроение настолько поднялось и улучшилось, что я принял решение, тут же, сию минуту, связаться по телефону с приятелем, дабы поделиться своей радостью.

Внезапно, совершенно спонтанно, мною овладело игривое настроение и проснулось давно подзабытое и столь знакомое чувство безнаказанности и вседозволенности. И пока я набирал номер друга, в голове стал вырисовываться очередной авантюристический замысел.

— Алё-алё, это Гриша? Привет, дорогой!

— ЗдорОво! — радостно откликнулся ничего не подозревающий товарищ и, с трудом сдерживая своё волнение, коротко поинтересовался — Ну, как?

— Значит, так: мы тут посоветовались и единогласно решили, что едем все!

На том конце провода возникла некоторая пауза.

— Алёу, Гриша, ты меня слышишь?!

— Да-да — поспешил ответить мой друг и растерянно проямлил, заметно запинаясь — прости, кто — «все»... и куда «едем»?

— Ты чё, не проснулся, что ли?! — прикинулся я раздраженно-обиженным, едва сдерживая смех. — Мы, домашние! Всей семьёй! Чего тут непонятного?!

На сей раз, пауза повисла аж, на целых десять секунд! Наконец, с трудом переварив для себя эту неожиданную информацию, бедный товарищ тихо выдавил из себя:

— Там... два... двое, только...

— Чего «двое»? — резко переспросил я, включив «дурку» на полную катушку.

— Два места... понимаешь... по списку... — этот лепет невозможно было слушать без сострадания к несчастному.

Я согнулся в три погибели, одной рукой схватившись за живот, а другой — плотно прижимая микрофон. Однако в последний момент, собрав оставшиеся силы, несколько развязным дружеским тоном произнес:

— Да ладно, тебе, Гриш, какой «список», об чём разговор: где двое, там и пять разместятся! Свои же люди! Кстати, нас чуть больше — семь чело... — сдерживаться далее, я уже не мог, а потому меня прорвало — Ха-ха-ха-ха!!!

— Ах-ха-ха-ха!!! — словно эхом прогремело на противоположном конце. — Надо же, сволочь! Как последнего лоха развёл! — ревел Гриша в «трубку» своим низким и хрипловатым голосом.

— Гриша, дорогой! Прости, конечно, но неужели ты всерьёз мог додуматься, что я настолько изменился?! — спросил я друга, когда мы, вдоволь насмеявшись, наконец, успокоились.

— Нет, конечно... — смущенно произнес Гриша, и, словно оправдываясь, виновато продолжил — Просто... всё-таки, столько лет прошло... Мало ли... Я подумал, что может быть ты, со своей писаниной... уже того... малость свихнулся... Ведь, всяко может случиться...

Плоды самосознания

Ляби-хауз — излюбленное место бухарцев. Фото автора

На волне горбачевской «перестройки» и «гласности» Союз, словно карточный домик, вскоре стал быстро разваливаться. Известным итогом явилось повальное провозглашение «независимости» бывших республик.

«Мустакиллик» («Независимость») — это малоизвестное советскому узбеку слово, стало в одночасье родным и близким, обретя вполне осознанный смысл и образ. И, если у незначительной части оставшейся интеллигенции, искренне желающей своей стране процветания и прогресса, добродушная улыбка застыла в саркастической гримасе, то о народе в целом этого не скажешь. Здесь, так же, как и в России, и в других республиках, «долгожданный воздух свободы и демократии» окончательно вскружил головы простым людям, напрочь лишив их остатков благоразумия. Каждый, вдруг почувствовал себя, если не баем, то уж, по крайней мере, значимой единицей, от которого, теперь, многое зависит в родной отчизне.

1992 год. Автобусная остановка. Как всегда, набитый до отказа автобус, не решается сдвинуться с места, пока створки дверей не сомкнутся. На нижней ступеньке «висит» русская женщина внушительных габаритов. Сзади, плотно прижавшись к ней, пытается втиснуться местный колхозник с мешком. Двери никак не хотят закрываться, толпа терпеливо ждет, обливаясь потом, а бедная дама покорно сносит все попытки штурма. Грубый холщевый мешок безжалостно терзает её новые колготки. Наконец, она не выдерживает и, с трудом повернув шею, раздраженно бросает своему «насильнику»:

— Ну, куда ты прёшь?! Куда лезешь?!!

На что тот, не обращая внимания на её протесты, упорно продолжает пыхтеть, бормоча себе под нос:

— Мелезум: ватани худум, мелезум! («Влезу: своя родина, войду!»)²

² Довольно странный, на первый взгляд, симбиоз русского и таджикского языков. «Даромадан» (тадж.) — «войти» — неопределенная форма глагола. «Медаром» означает — «войду», «влезу». В данном случае, пролетарское сознание продемонстрировало уникальный подход к грамматике: первый слог и окончание изъято из родного языка, а середина заимствована из русской речи. Но самое удивительное и парадоксальное заключается в общем контексте высказывания: мол, теперь я, всё равно, по-всякому влезу, и буду прав, поскольку это моя страна и я тут являюсь хозяином.

Неприятный разговор

Бухара: старое и новое. Фото автора

У моего брата есть очень забавный импульсивный товарищ, который не совсем хорошо ладит с современной техникой, а потому своеобразно воспринимает информацию, исходящую с мобильного телефона.

Иногда, данный факт дает брату повод — лишний раз по-прикалываться.

Он незаметно звонит рядом идущему другу и, когда тот от неожиданности впопыхах пытается достать свою трубку, моментально даёт «отбой». Так повторяется раз пять.

Издерганный и обезумевший приятель нервно копошится в многочисленных кнопках, пытаюсь понять — в чём же, тут дело? Его растерянный и жалкий вид не может не вызвать улыбку.

Естественно на табло всякий раз высвечивается одна и та же информация — «не принятый разговор»

— Ха, чўрачон: ки вай? («Что такое, дружок: кто это?») — с невозмутимым выражением на лице, заботливо справляется мой брат.

— Намедонам, Шўхратчон: ким-кадом «неприятный разговор», онеша об барад! («Не знаю, Шухратжон: какой-то «неприятный разговор», мать её, раз эдак!») — выдавливают вконец измученный товарищ, ничего не соображая и тупо уставившись на трубку.

В этот момент мобильник вновь издает свою сумасшедшую трель. Приятель неожиданно вздрагивает и вскоре, узнав по голосу свою дочь, не давая высказаться последней, раздраженно перебивает, скороговоркой выплёскивая на невинного ребенка весь накопившийся внутри пар:

— О Шойи, бачем: ин қатар «тир-пир, тир-пир» телефон дачи мекуни?! («Шойи, доченька: ну к чему столько раз „тир-пир, тир-пир“ теревить меня?!»)

Рёбрышки

В гостях у брата. Бухара, 14 октября 2023 г.

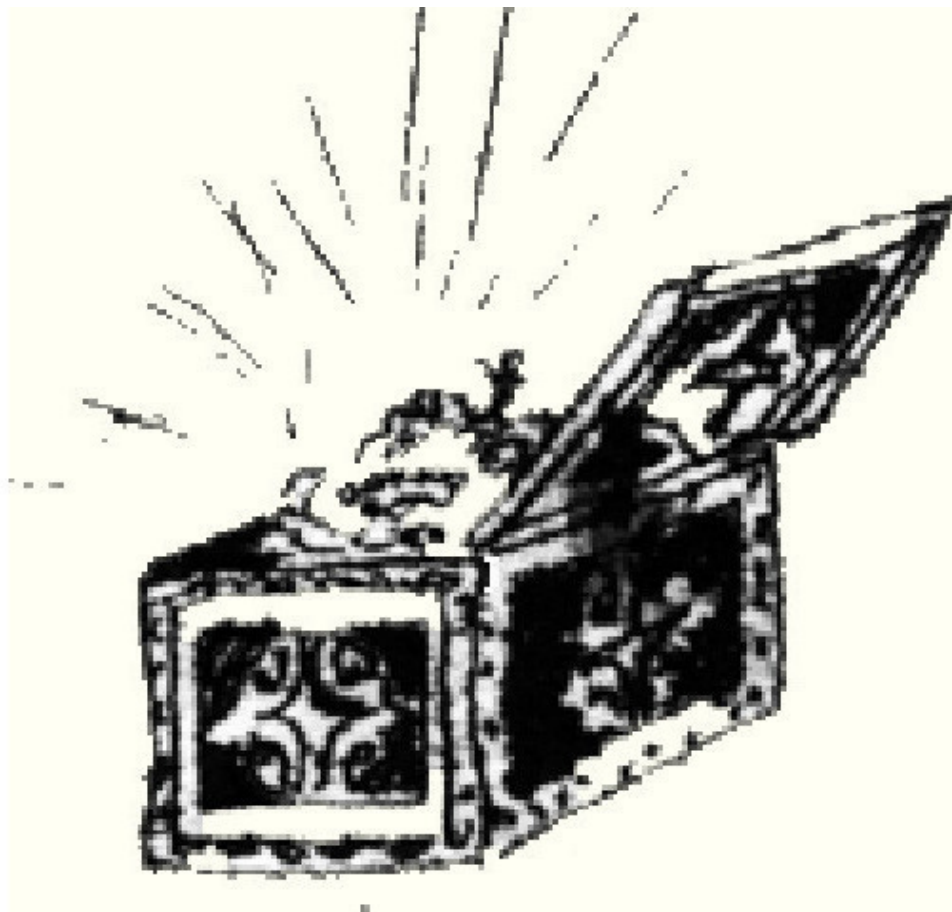
Бухарский юмор — это совершенно уникальный феномен, достойный отдельного научного трактата. О нём можно спорить и говорить бесконечно долго. Иногда предметом смеха является не совсем правильное озвучивание названий, с учётом местной специфики произношений.

Передаю со слов брата. Его жене довелось некогда работать в хокимияте (что-то, вроде мэрии) города. И, как правило, в обеденный перерыв, вместе с сослуживцами они имели обыкновение, идти в ближайшую торговую точку, коих в городе более чем предостаточно. По одной из причин, Дилором пропустила один рабочий день, а когда появилась на следующий, её встре-

тила одна из молодых коллег по работе, которая поспешила поделиться «вкусной» новостью, выдав:

— Апа-Диля, бега мохо обедба ёбрышки хўрдем! («Теть-Диля, а мы вчера на обед ёбрышки кушали!»)

Немного из бухарского фольклора...

Здесь и далее — все картинки Ганиджана Саидова. Перо, тушь, бумага.

*Касе ки надонад чои бастани хари худ,
Ҳам гардани хар бандат-у, ҳам гардани худ
(из бухарских пословиц и поговорок)*

*Кто не знает, где и как привязывать своего осла,
Пусть обмотает верёвкой за шею и осла, и себя.
(«Дуракам закон не писан, если писан, то не читан, если читан —
то не понят, если понят — то не так, потому что он дурак»)*

Я не перестаю поражаться тому факту, что бухарский фольклор жив и по сию пору. Казалось бы, что только не предпринималось завоевателями (а потом и так называемыми «освободителями») для того, чтобы стереть эту уникальную цивилизацию с лица Земли: свергли государственность, изъяли письменность, объявив её контр-революционной, поменяли алфавит, почти полностью уничтожив родной язык...

И — тем не менее — Бухара всё ещё жива. Она сохраняет и передаёт своё творческое наследие из поколения в поколение лишь по остаточному принципу: в основном, по колыбельным песням, что продолжает петь нам мама, по тому смешанному таджикско-узбекско-рус-

скому языку, что уже совершенно далёк от литературной речи, а также, благодаря изустной памяти той части бухарской образованной прослойки, что чудом сохранилась вплоть до наших дней.

Память. Вот, пожалуй, самое главное, что продолжает подпитывать корни народа, лишившегося всех своих законных привилегий. И — наверное — следует добавить к памяти ещё пару составляющих — любовь к книгам и к равнодушие к собственной истории. Ибо, без образования, осознания и анализа собственных корней, человек превращается в зомби, которого легко можно запрограммировать на что угодно.

Вот почему, я искренне радуюсь, когда по-приезду на родину, совершенно случайно натыкаюсь на интересных людей, общение с которыми переворачивает мою душу наизнанку, заставляя заново переосмыслить и понять — какое же богатство, откровенно говоря (выражаясь языком любимого мною А. Галича), мы профукали, прозююкали, прозябали.

Впрочем, что уж теперь плакаться в жилетку: заслужили, наверное...

Одним из очередных моих собеседников оказался потомственный коренной житель Бухары — Фазылов Салим. Простой и скромный (впрочем, это отличительная черта многих истинных бухарцев), являясь лишь на 10—12 лет старше меня, он — как ходячая бухарская энциклопедия — доверху набит теми знаниями, что испокон веку передавались нам, начиная с Рудаки, Дакики, Фирдоуси и заканчивая такими личностями, как Джами, Навои, Бедил...

И я с радостью делюсь всем тем, что мне удалось записать на диктофон в ходе нашего кратковременного общения. Ниже, я представляю лишь самую крохотную часть из того обширного и богатого наследия наших предков, которые знали истинную цену жизни, умели наслаждаться ею и бережно передавали свой накопленный жизненный опыт последующему поколению.

Каюсь: я не поэт, а потому прошу снисхождения за то, что взял на себя смелость, перевести эти обрывки народного фольклора на русский язык с тем, чтобы и российские читатели смогли восхититься специфической образностью и красотой восточной лирики, а также, поразиться отдельным уникальным и своеобразным высказываниям, пословицам и народным поговоркам.

Однако, сразу же вынужден предупредить читателя, что представленную подборку не следует рассматривать как типичную классическую восточную лирику, ибо, как и всякая поэзия, она разделяется на два основных вида: на так называемую высокую и утончённую суфийскую литературу, которая полна аллегорических образных выражений, со множеством глубоких смыслов и скрытых подтекстов, доступных лишь подготовленной (как правило, высоко образованной и элитарной) прослойке общества, и — собственно — на литературу, предназначенную для развлечения и воспитания обычного народа, где — чаще всего — можно встретить сатирические эпиграммы, остроумные высказывания по тому или иному поводу, пародии, а порою и злые насмешки, которые вполне понятны для простого люда (ремесленников и обычных дехкан).

Одним словом, всё аналогично и идентично тому, если в качестве примера обратиться к русской (английской, французской...) или любой другой литературе. Тем не менее, не стоит принижать и недооценивать её (второй тип), ибо и в ней достаточно часто можно найти немало «жемчужин» и прочих драгоценных камней, в виде метких психологических наблюдений и высказываний, граничащих на грани афоризмов.

Так что — приятного вам чтения! В заключение, как всегда, особую признательность и благодарность (за помощь при переводе), я приношу своим родным и близким: прежде всего, Хасанову А. и Хасанову Т.

*Навистам ман дар ин девори хона
Бимонад аз мани бечора нишона:
Агар пурсанд ки, «Ин мискин гуҷо шуд?»
Гӯед: «Гуреа шуд аз даври замона.»*

*Решился написать и я, на стенах собственного дома,
Дабы оставить память о себе потомкам и знакомым:
Ежели спросят вас: «Куда бедняк девался?»,
Скажите, убежал он прочь, не разгадав сего фантома. Л*

*Лаззати дунё — зану, дандон бувад.
Бе ҳар ин ду, зиндаги — зиндон бувад.*

Вся прелесть жизни в том и состоит, чтобы иметь красивую

жену и зубы. Без женщины и без зубов, то — всё равно, что
жить
в тюрьме и в муках.³*

*Ҳар кас аз суҳан хабар надорад
Ба чақ-чақу садояи асло асал надорад.
Бо ҷохилон нашояд аз шеър суҳан намудан,
Ҷойи гавхарфурӯши — бозори хар набошад*

И два варианта перевода:

1.

*Тому, кому и невдомек правила общения,
С его уст и льются — несладкие изречения.
Не стоит с невеждами про стих беседы вести,
Ведь на ослиный базар — жемчуга не нести.)
/А. Хасанов/*

³ * — здесь, подразумевается, уметь принимать пищу. (Г.С.)

2.

*Напрасный труд общаться с тем из нас,
Кто туп в беседе и не разбирается в стихах
И разъянять природу львов глупцу — негоже,
Жемчужный ряд и скотный рынок — не одно и то же.
Л. Саидов/*

Надёжный рецепт

Здесь стоит немного остановиться, дабы пояснить последнее четверостишие на наглядном примере.

Как сказывается в одной из народных бухарских баек, один из подобных персонажей (глупец, простофиля, неуч...), гуляя бесцельно по восточному базару, очутился случайно в том секторе рынка, где торговали благовониями, специями и разными травами. И, проходя между рядами, так надышался исходящими ароматами, что у несчастного закружилась голова и он упал без чувств.

Тут же, продавцы, побросав свои товары, кинулись на помощь человеку. И, дабы привести последнего в чувство, стали подносить к его носу различные чудодейственные травы, ценные снадобья, настойки и даже семена мускуса благородного, обладающие всесильной мощью и потому, очень дорого стоящими. Однако всё было бесполезно.

Мимо проходил один известный старец-учёный. Прознав о том, что произошло, он влез в гущу толпы и, бросив свой намётанный взгляд на лежащего, гневно прикрикнул на продавцов благовониями:

— Что вы делаете, безумцы! Вы его неправильно лечите: к чему напрасно размахивать перед носом такого человека столь дорогими травами и пряностями? Разве вы не знаете, что есть только одно-единственное средство, способное привести его обратно в чувство?

— Какое?! — чуть ли не хором воскликнули изумлённые торговцы.

— Дайте ему срочно понюхать ослиного навоза от своего ишака и он тотчас же вскочит!

*Одамият на ба нутку, на ба ришу, на ба чон:
Тўтиям нутку, бузам ришу, хар ҳам — чон дорад.*

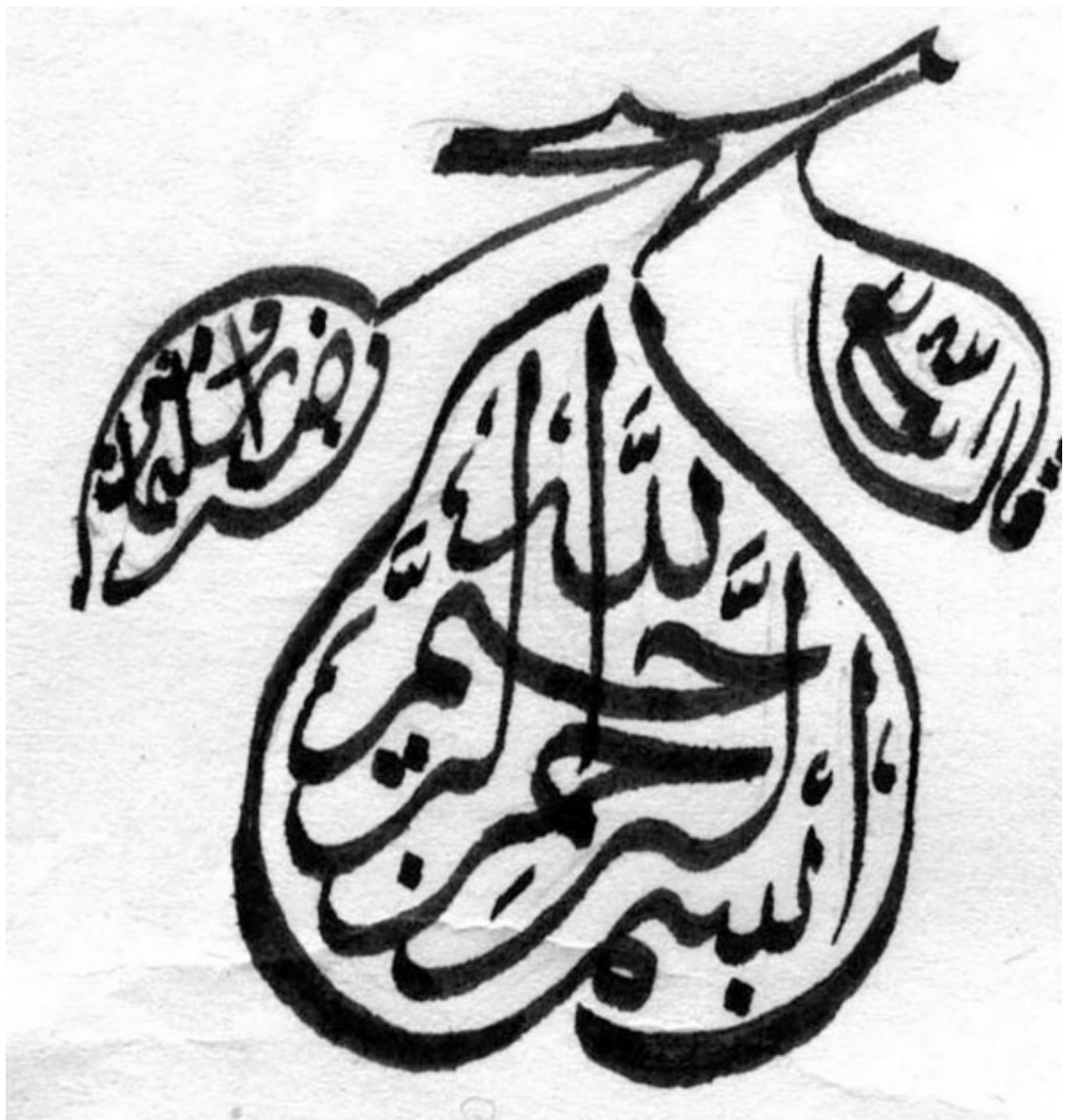
Достоинство человека (заключается) не в речи, не в бороде, и не в душе:

Попугай (также) умеет говорить, козёл — носит бороду, а осёл — живая сущность⁴.

То тавони дар ҷаҳон ҷорто ҷизе мода ҳар:

Модиёну, мокиёну, модагову, мочахар.

До скончания века, покупая живность,
Отдавай предпочтение четырём самкам: Л
ошади, курице, корове и ослице.

⁴ В смысле, и у осла бьётся сердце.

*Муллоҳо мурдан-у, ту мулло шуди,
Аз кадом кунчи лаҳат пайдо шуди?*

*Муллы умерли, и ты вдруг муллой назвался, *
Из какого угла могилы ты только откопался?

*Порна ҳамма айи-у комрони
Им сол — зикқи-ю хаста чони.
Порна — гӯш ба тарона
Им сол — шатта-ю фиғона.
Порна рӯи ляъли аз шакар пур,*

*Им сол зи хун чаими тар пур.
Порна сари ман ба зони ёр,
Им сол — хар-и ман да кунчи девол.
Дастур-и ҷахон, барродар, ин аст:
Айшаи ҳамма хоб-у, ғам карин аст.*

*В прошлом — веселились, ели-пили, не спеша,
А сегодня — в грустном одиночестве моя душа.
В прошлом — танцы, песни, без окончания,
А сегодня — лишь шлепки, побои и страдания.
В прошлом — губы сахарные все в меду от грёз,
А сегодня — мокрые глаза полны кровавых слёз.
В прошлом — прислонял я голову к коленям милой,
А сегодня — мой осёл в углу несчастный и унылый.
Познание мира в том и состоит, мой друг,
За колесом веселья, следует печали круг.*

Свой среди чужих...

Достаточно часто, монархи имели обыкновение, приближать к себе различного рода неординарных людей с тем, чтобы потом, при случае, представить их мишенью для потешения и смеха.

Одним из таких приближённых к государю особ являлся некий грузный богатырь, за которым, в силу его громадной комплекции, закреплена была кличка «Гав» («Бык»).

И вот однажды по весне, прогуливаясь с многочисленной свитой в окрестностях своих владений, падишах заметил в поле одного дехканина, который буднично вспахивал участок, закрепив плуг к парочке здоровенных волов.

Через какое-то время, крестьянин остановил волов и, сняв с них ярмо, дал им возможность немного отдохнуть. Правитель же, задумав посмеяться над своим телохранителем, обратился к нему с такой речью:

— «Бык», иди-ка расспроси своих сородичей: о чём они там так мирно беседуют?

Некоторое время спустя, находчивый богатырь возвращается и передаёт царю подслушанную беседу двух быков:

— Они откровенно недоумевают, показывая на меня: «Как это такого быка, пренебрегая обществом своих собратьев, угораздило примкнуться к стаду каких-то ослов?»

*Ҳафт ҳазор-у ҳафтсад-у ҳафттод-и ҳафт хишт-и тилло
Сар-у ғуда дар ғумбази Оға Али Нусиб Ризо
Ҳар касе як хишт барканат аз хонадони мустафо,
Ҳар ду чашмаи кӯр гардад, ҳар ду дастаи муфтало.⁵*

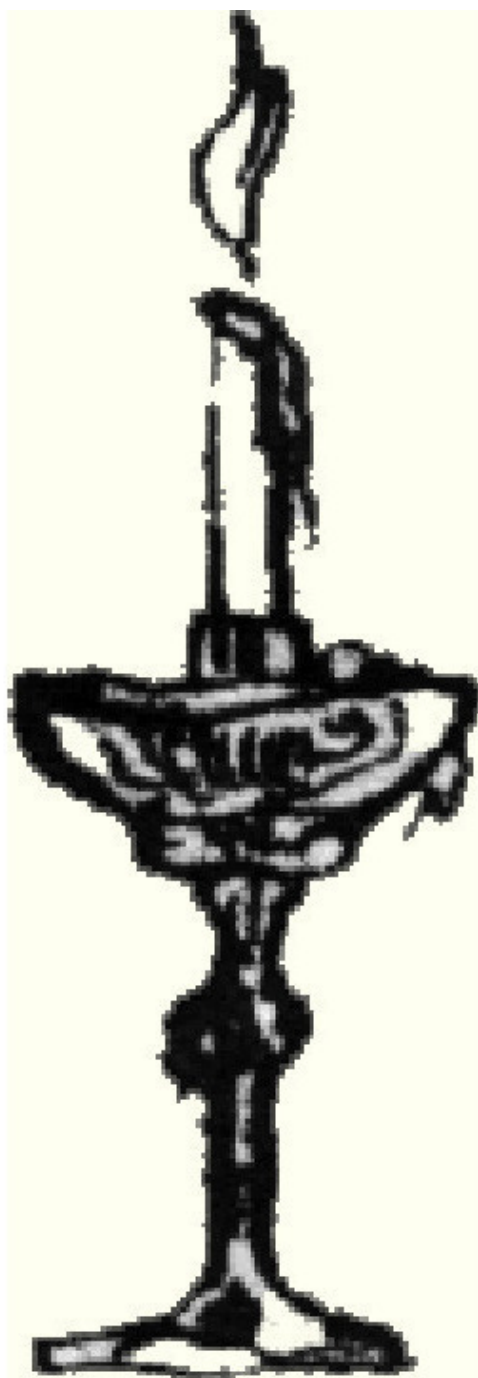
*Из семи тысяч семьсот семидесяти семи золотых кирпичей
Выложен купол над могилой Ога Али Нусиба Резы.
Кто посмеет выдернуть хотя бы кирпич из дома избранного,
Пусть ослепнут его оба глаза и отсохнут обе руки.*

xxx

*Гул-и ки бӯ надорад, ба вай чаман ҳайф,
Касе ки фаҳм надорад, ба вай сухан ҳайф,
Дил-и ки дард надорад, ба вай бадан ҳайф,
Сар-и ки сачда надорад, ба вай кафан ҳайф.*

*Цветку без запаха и аромата, в саду не место,
С глупцом вести беседу, совсем не интересно,
Бесчувственному сердцу — тело вовсе бесполезно,
Прожившему в безверии — тому и саван неуместен.*

⁵ Якобы, именно это четверостишие можно обнаружить среди надписей в комплексе мавзолея. Мечеть Имама Али (араб. *مسجد الإمام علي*), расположенная в Эн-Наджафе, (Ирак), является усыпальницей Али ибн Абу Талиба, ближайшего сподвижника, двоюродного брата и зятя пророка Мухаммада. Мечеть была первоначально построена в 977 году над могилой Али. Позднее была уничтожена пожаром и восстановлена в 1086 году, а после — в 1500 году. По утверждению преданных паломников, 7777 плиток из чистого золота покрывают купол мечети. По шиитской традиции мечеть является местом погребения Адама и Ноя. Г

*Чумла буданд камбағалоҳои даҳан-калон:
Дар киса як пул несту — такаббур то осмон.
Аз бепулия намуда қавақҳошон варам,
Да куни ору-номусашон оти қоқаранг⁶*

⁶ Возможно — «оти кахарранг» — аспи рангаш зардчаи сафедтоб (аспи саманди пастранг); либо — «оти қўқаранг» — означает лошадь серовато-голубого цвета; либо — «оти қоқаранг» — аспи қоқи лоғар — худая, истощённая кобыла; (источник: Айни, Произведения, т.12,стр. 155)

(Подстрочный перевод:

*Также были бедняки ..., гордые, хвастливые.
Ни гроша в кармане, но амбициозные.
От безденежья у них, аж веки опухшие,
И в придачу к совести — конь полуживой.)*

*Есть (в мире) категория нищеводов-горлопанов,
Нет ни копейки, но — высокомерие выше всяких планов.
Опухли веки их от осознания своих пустых карманов,
И к совести впридачу — едва живая кляча в виде их самообмана...*

*Одамиро одабийят лозим аст:
Чўби сандал бў надорад — ҳезум аст*

*Человеку свойственно нуждаться в человечности:
Сандал без аромата, то — дрова в пожаре вечности*

Офарин!

Всякий раз, услышав от своего собеседника очередное новое четверостишие или мудрую поговорку, я реагировал восторженно и эмоционально.

— Офарин! («Браво!», «Превосходно!») — вылетало из меня почти беспрестанно.

На что мой собеседник тут же привёл очередную историю, связанную с этим восклицанием.

Как известно, в древние времена, редко кому из простых смертных выпадал шанс, лицезреть самого правителя, а уж, чтобы удостоиться личной аудиенции — это уже несомненно можно было считать вершиной удачи и везения. Хорошо, если государю хватало терпения, выслушать такого счастливчика до конца, благосклонно склонив свою корону на бок. И уж совсем являлось триумфом, ежели слова оппонента, вызывали у царя особый интерес и живой отклик. Приводя его, в особых случаях, в восторженное изумление и заставляя даже воскликнуть «офарин!». После чего, находившийся всегда подле своего патрона хранитель казны, в ответ развязывал мешочек и, извлекая оттуда золотую монету, одаривал ею везунчика, сумевшего вызвать столь невероятный восторг у царя.

Однажды падишах, совершая в окружении многочисленной свиты традиционную прогулку по окрестностям своих владений, заметил в поле убелённого сединами аксакала, который вырыв ямку, пытался посадить в землю саженец. Монарх был откровенно удивлён, застав старика за таким занятием, а потому, подъехав поближе, спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.